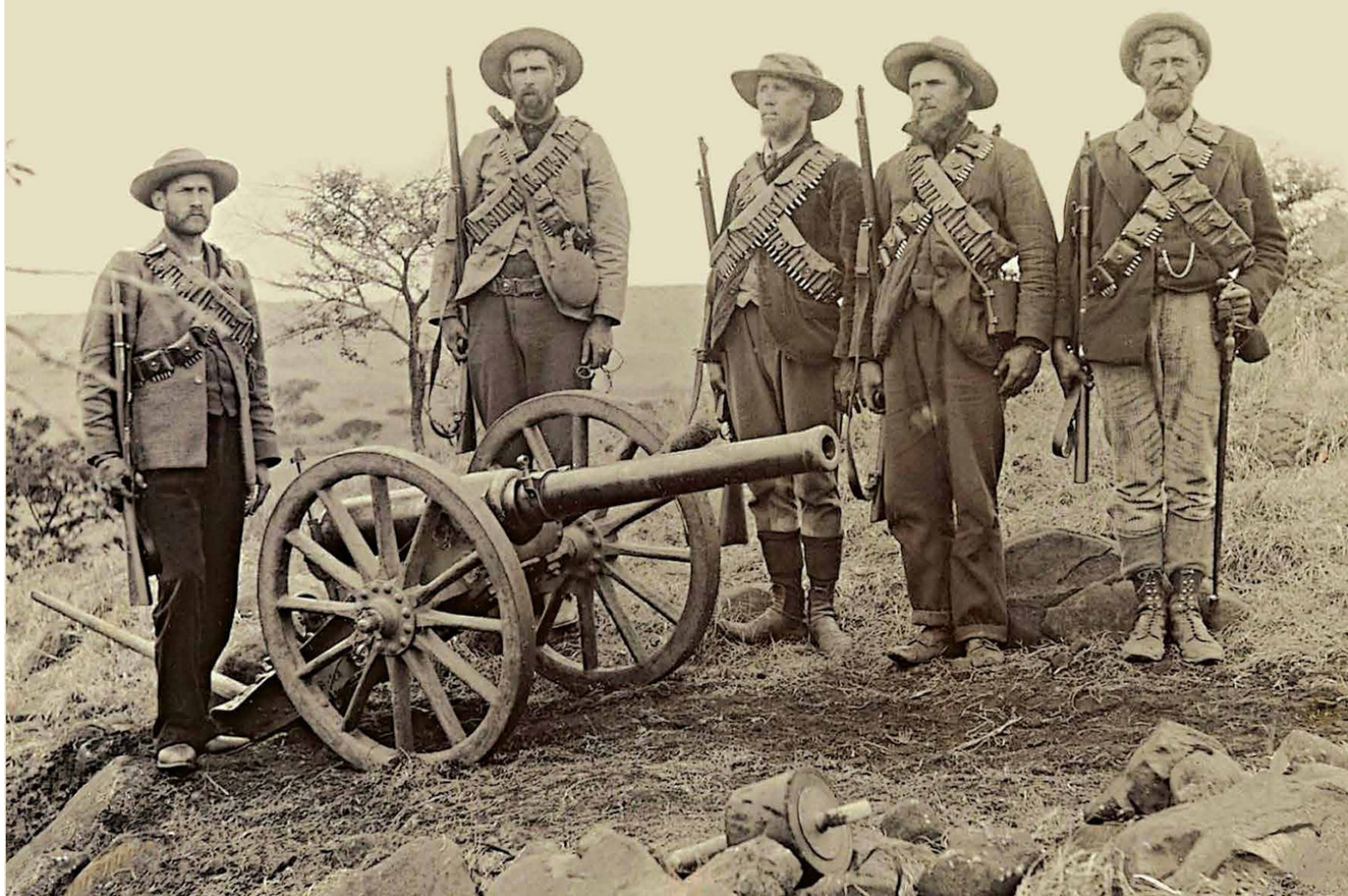

Артур
Конан Дойл

Англо-бурская 1899 война 1902

Артур Конан Дойл

Англо-бурская война. 1899-1902

«Азбука-Аттикус»

1902

УДК 335

ББК 63.3(0)53(4Вел)

Дойл А. И.

Англо-бурская война. 1899-1902 / А. И. Дойл — «Азбука-Аттикус», 1902

ISBN 978-5-389-14138-4

Англо-бурская война (1899–1902) произвела неизгладимое впечатление на современников. Она была развернута Южно-Африканской Республикой (республикой Трансвааль) и Оранжевым Свободным Государством (Оранжевой республикой) как превентивное действие против Британской империи. Первый период войны ознаменовался блестящими победами вооруженных самым передовым оружием фермеров-буров над регулярными частями имперских войск. На полях сражений винтовки «маузер» и пулеметы «максим» противостояли тактике эпохи Наполеоновских войн, которой продолжали придерживаться европейские армии. Благодаря массивной переброске британских войск в Южную Африку в 1900 году Империи удалось обеспечить себе численный и технический перевес. После того как последняя армия буров была уничтожена, на территории Оранжевой республики и Трансвааля развернулась партизанская война. В конце концов британцы одержали победу, но заплатили за нее гибелью более двадцати тысяч солдат. Артур Конан Дойл был знаком с событиями Англо-бурской войны не понаслышке: он принимал непосредственное участие в военных действиях в качестве хирурга полевого госпиталя. Для создания детальной хроники тех лет гениальный рассказчик использовал множество документальных материалов и уникальных устных свидетельств очевидцев. С момента своего первого выхода в свет в 1900 году по 1908 год эта книга выдержала более 30 переизданий! История трагических, важнейших для мировой истории событий Англо-бурской войны заслуживает внимания всех, кто интересуется военной и политической историей. Впервые русский перевод этого великолепного произведения проиллюстрирован оригинальными картами из первых изданий.

УДК 335
ББК 63.3(0)53(4Вел)

ISBN 978-5-389-14138-4

© Дойл А. И., 1902
© Азбука-Аттикус, 1902

Содержание

Предисловие	7
1	8
2	19
3	27
4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Артур Конан Дойл

Англо-бурская война

Посвящается Дэвону Л. Ленгмэну, который отдал свое состояние и то, что он ценил больше денег, на службу Отчеству и облегчение страданий

Arthur Conan Doyle
THE GREAT BOER WAR

На обложке:

Портрет Артура Конан Дойла, ок. 1895 г.

Буры около захваченного при Николсонс-Нек английского 2,5-дюймового полевого орудия, 30 октября 1899 г.

© Строганова О., перевод на русский язык, 2017

© Феоклистова В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017
КоЛибри®

* * *

Стойкость и героизм рядового, безоглядная отвага полкового офицера – вот наши воинские ценности, но нечасто к ним добавляются осторожность и предусмотрительность командующих. Неблагодарная задача делать такие замечания, однако эта война показала, что армия – это очень важно и нельзя отдавать ее в руки отдельной касты.

Артур Конан Дойл

Артур Конан Дойл (1859–1930) – знаменитый британский писатель-романист, публицист и драматург, поэт и философ, автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений. Известный сегодня прежде всего как создатель ярких литературных персонажей, таких как гениальный детектив Шерлок Холмс и его друг, помощник и биограф доктор Ватсон, среди современников он снискал славу благодаря своему историческому труду, посвященному Англо-бурской войне.

Предисловие

В течение Большой бурской войны в свет вышло примерно шестнадцать изданий этой работы, каждое из которых, надеюсь, стало несколько полнее и точнее предыдущего. Тем не менее я со всей ответственностью могу заявить, что несомненные ошибки в них были немногочисленны – мне ни разу не пришлось отказываться от высказанных суждений и весьма редко их корректировать. При подготовке к последнему изданию первоначальный текст подвергся тщательной редакции, и в него были включены все свежие сведения, насколько позволяло повествование объемом в один том. Относительно многих эпизодов заключительной части войны нельзя сказать, что доступных материалов было достаточно для детальной и завершенной хроники. Однако на основании официальных сообщений, газетных репортажей и многочисленных личных писем я сделал все, на что способен, чтобы дать ясное и правдивое изложение событий. Оно иногда может показаться слишком кратким, но следует учитывать разницу между сражениями 1899–1900 годов и столкновениями 1901–1902-го.

Мои информанты столь многочисленны, что было бы нереально, несмотря на все мое желание, назвать всех поименно. Из корреспондентов, в чьих работах я черпал информацию, я должен выразить особую признательность господам Берли, Невинсону, Бэттерсбаю, Стюарту, Амери, Аткинсу, Бейли, Киннеиру, Черчиллю, Джеймсу, Ральфу, Барнесу, Максвеллу, Пирсу, Гамильтону и другим. Отдельно отмечу представителя газеты «Стэндард», работавшего в последний год войны. Из всех дошедших до народа сообщений о событиях во Флакфонтейне, конвое Вондонопа и Твибоше только его корреспонденции были достоверными.

*Артур Конан Дойл
Андершоу, Хиндхед, сентябрь, 1902 год*

1

Бурские государства

Возьмите сообщество голландцев того типа, которые в течение пятидесяти лет противостояли всей мощи Испании, да еще в то время, когда эта страна была самой великой державой мира. Соедините с ними породу нестигаемых французских гугенотов, которые оставили собственные дома, бросили имущество и навсегда покинули свою страну после аннулирования Нантского эдикта.¹ В результате, вне всякого сомнения, получится один из самых стойких, отважных и неукротимых народов, когда-либо обитавших на земле. Возьмите семь поколений этих мужественных людей и упражняйте их в постоянной борьбе с дикарями и свирепыми животными в условиях, при которых слабые не выживают. Предоставьте им возможность достичь исключительного мастерства в искусстве владения оружием и верховой езде. Дайте им территорию, в высшей степени подходящую для умелого охотника, меткого стрелка и наездника. Затем, наконец, закалите их боевые качества строгой фаталистичной ветхозаветной верой и страстным всепоглощающим патриотизмом. Соедините все эти качества и побуждения в одном человеке, и вы получите современного бура – самого серьезного противника, который когда-либо вставал на пути Британской империи. Наша военная история в значительной степени состоит из противостояний с Францией, однако Наполеон и все его опытные солдаты никогда не относились к нам с такой непримиримостью, как эти непреклонные фермеры с их древней религиозностью и весьма современными винтовками.

Взгляните на карту Южной Африки. Там, в самом центре британских владений, как косточка в персике, лежит земля двух республик – обширная территория для столь небольшого количества людей. Как они там оказались? Кто эти германцы, так глубоко проникшие в Африку? Это старая история, но тем не менее ее придется рассказать еще раз, даже если наше повествование и не нуждается в обстоятельном вступлении. Нельзя узнать и понять бура, не принимая во внимание его прошлое, поскольку он таков, каким его сделала жизнь.

Первые голландцы обосновались на мысе Доброй Надежды примерно в то время, когда Оливер Кромвель находился в зените – в 1652 году, если уж быть абсолютно точным. Португальцы появились там раньше, но, устав от ужасной погоды и увлекаемые вперед слухами о золоте, они прошли мимо этого места и устремились дальше, чтобы поселиться вдоль восточного побережья. Золото там было, однако не так много, и эти португальские колонии так никогда и не стали источником благосостояния для метрополии, и не станут до того самого дня, пока Великобритания не подпишет огромный чек за залив Делагоа. На избранном португальцами побережье царил малярия. Сотни миль² ядовитых болот отделяли их от внутреннего плато со здоровым климатом. В течение столетий эти пионеры южноафриканской колонизации пытались проникнуть в глубь страны, но, следуя по течению рек, они не смогли далеко продвинуться. Кровожадные туземцы и тяжелые климатические условия преградили им дорогу.

Однако у голландцев все сложилось иначе. Климатические трудности, отпугнувшие португальского искателя приключений, стали для них источником успеха. Холод, бедность и бури воспитывают качества, достойные повелителей. Именно люди с промозглой и бесплодной земли взрастили детей света и пекла. Таким образом, в тяжелом климате на мысе Доброй Надежды голландцы стали только сильнее и преуспели во всем. Они не пошли в глубь страны, потому что их было немного, а требовалось, чтобы все были рядом. Но они строили себе дома

¹ Нантский эдикт даровал французским протестантам-гугенотам вероисповедные права. Издание эдикта завершило тридцатилетний период Религиозных войн во Франции (они велись между католиками и протестантами). 17 октября 1685 г. Людовик XIV отменил эдикт, таким образом нанеся удар по протестантизму.

² *Миля* – единица измерения длины, равна 5280 футам (1760 ярдам, или приблизительно 1609 м).

и снабжали Голландскую Ост-Индскую кампанию продовольствием и водой. Постепенно складывались небольшие городки: Винберг, Стелленбош, и вверх по склонам распространялись поселения, которые вели к большому центральному плато, простирающемуся на сто пятьдесят миль от гребня Кару к долине Замбези. Затем прибавились переселенцы-гугеноты – лучшая кровь Франции – всего три сотни, горстка самого отборного зерна, вброшенная, чтобы придать изящества и энтузиазма крепкой тевтонской породе. В истории норманнов, гугенотов, французских эмигрантов можно видеть, как великая рука снова и снова опускалась в этот амбар и одаривала народы великолепными семенами. Франция не основала новых стран, как ее великий соперник, однако она сделала все другие страны богаче при смешении с ее лучшими людьми. Ру, Дю Туа, Жубер, дю Плесси, Вильерс и десятка два других французских фамилий – самые привычные в Южной Африке.

В следующие сто лет история колонии представляет собой последовательное освоение африканерами огромных просторов, которые лежали к северу от них. Скотоводство стало товарным, а на территории, где шести акров земли едва хватает одной овце, даже для небольшого стада требовались обширные фермы. Шесть тысяч акров составляло обычную величину владения, за что правительству надлежало платить пять фунтов ренты в год. Болезни, принесенные белым человеком в Африку, как в Америке и Австралии, были для аборигенов смертельными, и эпидемия оспы очистила пришельцам пространство. Они продвигались все дальше и дальше на север, здесь и там основывая городки, такие как Грааф-Рейнет и Свеллендам. В них нидерландская реформатская церковь и магазин предметов первой необходимости объединяли вокруг себя немногочисленные разбросанные жилища. Поселенцы уже выказывали самостоятельность и независимость от Европы, которая является их самой характерной чертой. Даже небольшое проявление власти голландцев (старшего, но менее значительного брата «Джон компании»³ в Индии) заставило их восстать. Правда, местный бунт почти не заметили из-за всемирного катаклизма, последовавшего за Французской революцией. Через двадцать лет (в течение которых мир был сотрясен титанической борьбой между Англией и Францией в финальном подсчете очков за игру и выплате ставок), в 1814 году, Капская колония была присоединена к Британской империи.

В нашем обширном собрании стран, пожалуй, нет другой страны, права Британии на которую были бы так же неоспоримы, как на эту. Мы владеем ею на двух основаниях – по праву завоевания и по праву покупки. В 1806 году британские войска высадились, разбили местную армию и захватили Кейптаун. В 1814 году мы выплатили штатгальтеру⁴ огромную сумму в шесть миллионов фунтов за передачу капской земли и некоторых других территорий. Возможно, эта сделка была заключена слишком быстро и недостаточно тщательно в происходившем тогда общем переделе. В качестве пункта захода на пути в Индию место представлялось ценным, однако саму страну считали бесплодной и нерентабельной. Какова была бы позиция Каслрея или Ливерпуля, если бы они до конца представляли себе, что приобретается за наши шесть миллионов фунтов? В списке оказались бы как положительные, так и отрицательные моменты. Это девять ожесточенных Кафрских войн,⁵ а также самые крупные в мире алмазные копи и богатейшие месторождения золота. Две дорогостоящие и весьма неприятные военные кампании против людей, которых мы уважаем, даже сражаясь с ними, и, наконец, теперь, как мы надеемся, мирная и процветающая Южная Африка с равными правами и обязанностями для всех в ней живущих. Нет сомнений, что будущее готовит нам много хорошего в этой земле. Даже если просто принять во внимание прошлое, то появятся основания сказать, что мировое общественное мнение недооценивает нас, нашу силу и благосостояние, потому что британские

³ «Джон компания» – разговорное название Ост-Индской компании.

⁴ Штатгальтер – должностное лицо, осуществляющее государственную власть и управляющее какой-либо территорией.

⁵ Кафрские войны – боевые действия с южноафриканским народом коса (кафрами) в 1779–1879 гг.

владения на этой территории никогда не выходили за пределы радиуса действия наших корабельных пушек. Однако, конечно, самое трудное суть самое благородное, и, оглядываясь назад, наши потомки могут видеть, что эта долгая борьба, со всеми ее неудачами и успехами, потоками крови и сокровищ, всегда велась с высокой и благородной целью.

Документы, подтверждающие наши права владения, как я уже говорил, бесспорны, однако в их положениях есть одно прискорбное упущение. С трех сторон границы территории определяет океан, однако с четвертой – граница не оговорена. Нет и слова о «районах, расположенных вглубь от прибрежной полосы», поскольку ни о термине, ни о самом вопросе тогда и не думали. Купила ли Великобритания обширные районы, простирающиеся за пределами поселений? Или за недовольными голландцами осталось право продвинуться вглубь и создать новые государства, чтобы преградить путь англо-кельтским колонистам? В этом вопросе находится исток всех последующих проблем. Американец мог бы понять суть спорного момента, если бы представил себе, будто после основания Соединенных Штатов голландские жители штата Нью-Йорк ушли на запад и создали новые сообщества под другим флагом. Затем, заселив эти западные штаты, американские граждане столкнулись бы с той самой проблемой, которую приходится решать нам в Южной Африке. Если бы они обнаружили, что новые государства настроены антиамерикански и всячески препятствуют прогрессу, то, несомненно, испытали бы те затруднения, которые приходится преодолевать нашим политикам.

В момент перехода под британский флаг количество колонистов – голландцев, французов и немцев – приближалось к тридцати тысячам человек. Они являлись рабовладельцами, и рабов насчитывалось не меньше, чем их самих. Перспективы полного слияния британцев и первопоселенцев не вызывали сомнений, поскольку это были люди одного корня и их мировоззрение различалось лишь степенью фанатизма и нетерпимости. В 1820 году туда доставили пять тысяч британских поселенцев, их расселили на восточных границах колонии, и с этого времени начался медленный, но постоянный приток англоговорящих жителей. Британское правление отмечено как историческими просчетами, так и историческими достоинствами. Оно было мягким, основанным на законе, нравственным, бестактным и непоследовательным. В целом оно могло бы стать прекрасным, если бы оставило все как есть. Изменять же заведенный порядок жизни наиболее консервативного из германских народов было предприятием опасным, оно повело к многочисленным осложнениям, которые и составили бурную историю Южной Африки.

Имперское правительство всегда придерживалось благородно гуманных взглядов на права аборигенов и считало своим долгом отстаивать закон. Мы полагаем (и справедливо), что британская Фемида должна быть если не абсолютно слепой, то, по крайней мере, не различать цвета кожи. Сия точка зрения безукоризненна в теории и совершенно неопровержима, однако, по всей вероятности, вызывает раздражение, когда бостонский моралист или лондонский филантроп навязывают ее людям, чье общество построено на постулате, что негры – низшая раса. Такие люди предпочитают самостоятельно совершенствовать свои нормы морали, а не получать их от тех, кто живет в абсолютно других условиях. Они считают (и не без оснований), что это есть легкая форма добродетели – из безмятежности упорядоченной жизни в домах на Бейкон-стрит или Белгрейв-сквер⁶ указывать, каковы должны быть отношения между белым хозяином и его полудикими работниками. Обе части англо-кельтской нации начали разбираться в этом вопросе, и все попали в неприятное положение.

Британское правительство в Южной Африке всегда играло непопулярную роль друга и защитника чернокожих слуг. Именно по этому поводу возникли первые разногласия между старыми поселенцами и новой администрацией. Бунт с кровопролитием произошел после того, как одного голландского фермера арестовали за жестокое обращение со своим рабом. Выступ-

⁶ *Белгрейв-сквер* – одна из самых фешенебельных площадей аристократического района Лондона, рядом с Гайд-парком.

ление подавили, а пятерых участников повесили. Такое наказание было чрезмерно суровым и весьма неразумным. Отважный народ может забыть потери в сражениях, но жертв виселицы – никогда. Создание политических мучеников – самое большое безумие для государственной власти. Правда, и человек, осуществивший арест, и судья, приговоривший арестованных, были голландцами, а британский губернатор выступал на стороне милосердия, но все это впоследствии было забыто, в стремлении нажать на инциденте расовый капитал. Оставшаяся стойкая обида проявилась после налета Джеймсона. Тогда казалось, что руководителей этого злосчастного предприятия могут повесить, и совершенно очевидно проводилась параллель от фермерского дома в Кукхаус-Дрифте к Претории – англичане должны умереть, как умерли голландцы в 1816 году. Слахтерс-Нек⁷ озаменовал расхождение путей британского правительства и африканеров.

Вскоре раскол стал еще более явным. Происходили различные манипуляции в органах местного самоуправления, голландцев заменяли англичанами в судах. Проявив щедрость за чужой счет, английское правительство назначило чрезвычайно мягкие сроки наказания племенам кафров, которые в 1884 году совершали набеги на приграничные фермы. А затем, ко всему прочему, в том же году в Британской империи отменили рабство, что раздуло тлеющее недовольство в настоящее пламя.

Следует признать, что конкретно в этом случае британский филантроп был готов платить за то, что считал справедливым. Отмена рабства являлась благородной государственной акцией, ее моральная составляющая опередила свое время, британскому парламенту пришлось ассигновать огромную сумму в двадцать миллионов фунтов стерлингов на выплату компенсации рабовладельцам и таким образом ликвидировать зло, к которому метрополия не имела прямого отношения. Ясно, что следовало бы делать это непосредственно там, где существовало рабство. Если бы мы подождали создания в соответствующих колониях собственных правительств, то не пришлось бы осуществлять отмену конституционными методами. Однако, поворчав, добропорядочный британский домовладелец достал из кармана кошелек и заплатил за то, что полагал правильным. Если Божья милость сопутствует добродетельным поступкам, которые не приносят ничего, кроме печалей, то нам можно надеяться на нее в связи с этим освобождением. Мы потратили деньги, мы нанесли ущерб своим западноиндийским колониям, и мы породили недовольство в Южной Африке, которому не видно конца. Тем не менее, если бы пришлось решать все снова, нам, бесспорно, следовало бы повторить этот поступок. Высшая мораль может оказаться также высшей мудростью, когда история подходит к своему завершению.

Однако детали сей меры были не столь достойны уважения, как сам принцип. Ее осуществили настолько внезапно, что страна не имела времени приспособиться к новым условиям. Южной Африке выделили три миллиона фунтов стерлингов, что давало за раба от шестидесяти до семидесяти фунтов – сумму, значительно уступающую сложившимся к тому времени местным ценам. К тому же выплату компенсации решили производить в Лондоне, поэтому фермеры продавали свои иски посредникам по сниженной цене. В каждом небольшом городке и каждом лагере скотоводов на Кару происходили массовые митинги протеста. Возродился старый голландский дух – дух, который сносит все преграды. Бунт был бессмысленным. Однако к северу от них простирались бескрайние незанятые земли. Кочевая жизнь не пугала этих людей, как и жизнь в огромных воловьих повозках, похожих на те, в которых некогда их предки появились в Галлии, – одновременно и средство передвижения, и крепость. Одну за другой повозки нагружали, запрягали большие упряжки, женщин сажали внутрь, мужчины с длинноствольными винтовками шагали рядом – и начался великий исход. Стада и гурты следовали за

⁷ *Восстание в Слахтерс-Неке* (1815 г.) – восстание буров против британцев. Было подавлено, зачинщики восстания казнены.

переселенцами, собирать и вести их помогали дети. Один оборванный маленький мальчишка лет десяти тоже щелкал бичом позади волов. Он был частью отдельной группы, однако представляет для нас особый интерес, потому что его имя – Стефанус Паулус Крюгер – будущий президент Южно-Африканской республики.

Это был странный исход, в современную эпоху его можно сопоставить разве что с выступлением мормонов в поисках обетованной земли Юты. В северном направлении местность была известна и немного заселена только до реки Оранжевая, а за рекой лежал обширный район, куда проникали лишь отважные охотники или отчаянные первопроходцы. Так случилось (если на самом деле в серьезных предприятиях присутствует случай), что победитель – зулус – пронесся по этой земле не задерживаясь, остались только карлики-бушмены, страшные туземцы, самые низкорослые представители рода человеческого. Там для переселенцев были хорошие пастбища и плодородная земля. Двигались они небольшими группами, но общее их количество было значительным, по свидетельству их историка, от шести до десяти тысяч, что составляло примерно четверть всего населения колонии. Некоторые из первых отрядов погибли. Многие остановились в районе высокой горы восточнее Блумфонтейна, создали там свой центр и впоследствии организовали Оранжевое Свободное Государство. Другую часть переселенцев отрезали грозные матабеле, племя из большого народа Зулу. Выжившие объявили им войну, и уже в этой первой своей военной кампании они проявили высочайшее мастерство менять тактику в зависимости от противника, это является их важнейшим боевым качеством. Отряд (коммандо), выступивший на битву с матабеле, насчитывал, говорят, сто тридцать пять фермеров. Противник имел двенадцать тысяч копьеносцев. Они сошлись у реки Мариико, недалеко от Мафекинга. Буры настолько искусно сочетали использование лошадей и ружей, что побили треть врагов, не потеряв ни одного из своих товарищей. Они галопом приближались к противнику, давали залп, а затем отходили, прежде чем копьеносцы успевают их достать. Когда дикари пускались в преследование, буры отступали. Когда погоня захлебывалась, буры останавливались и ружейный огонь начинался снова. Стратегия простая, но исключительно эффективная. Вспоминая, как часто с тех пор наши собственные кавалеристы сражались с дикарями в разных частях мира, горько сожалешь о приверженности военным традициям, характерной для нашей армии.

Эта победа фoorтреккеров⁸ расчистила территорию между реками Оранжевая и Лимпопо, части которой стали известны под названиями Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Тогда же еще одна часть переселенцев нагрянула в район, теперь известный как Наталь, и разбила Дингаана, великого вождя зулусов.⁹ Поскольку с ними были семьи, они не имели возможности применить конную тактику, показавшую себя эффективной против матабеле, и снова проявили способность учитывать ситуацию. Они встретили зулусских воинов в каре из повозок – мужчины стреляли, пока женщины заряжали. Было убито шесть бюргеров и три тысячи зулусов. Если бы подобную тактику использовали против тех же самых зулусов через сорок лет, нам не пришлось бы скорбеть о бедствии у Изандлваны.¹⁰

И теперь, в конце долгого пути, преодолев расстояния, врагов и превратности природы, буры увидели то, о чем мечтали меньше всего, и, чтобы уклониться от этого, они прошли так далеко, – флаг Великобритании. Буры захватили Наталь изнутри, но Англия еще раньше сделала это с моря, и небольшая колония англичан осела в Порт-Натале, теперь известном как

⁸ *Фoorтреккеры* – буры, прокладывавшие путь во внутренние районы Южной Африки (1830–1840 гг.).

⁹ *Дингаан* – верховный правитель зулусов в 1828–1840 гг.

¹⁰ *Битва при Изандлване* (22 января 1879 г.) – сражение в ходе англо-зулусской войны. Армия зулусов уничтожила британский отряд. Британские войска потеряли 1329 человек убитыми. В Британии известие о поражении вызвало возмущение и недовольство. Премьер-министр Дизраэли проиграл выборы в парламент и был вынужден уйти в отставку. Губернатору Капской колонии был объявлен выговор от правительства Великобритании. Главнокомандующий британскими войсками в Южной Африке, Челмсфорд, снят с должности.

Дурбан. Местное правительство, однако, действовало нерешительно, и только захват Наталя бурами заставил его объявить эту территорию британской колонией. Одновременно был провозглашен непопулярный принцип невозможности для британского гражданина по собственному желанию отказаться от подданства, и странствующие фермеры, куда бы они ни пошли, все равно остаются пусть первопроходцами, но британских колоний. Чтобы подчеркнуть сей факт, в 1842 году в современный Дурбан были высланы три роты солдат – обычный маленький отряд, с которым Великобритания учреждает новое владение. Эту горстку людей буры подстерегли и разбили, с тех пор так очень часто делали их потомки. Однако уцелевшие укрепились и удерживали оборонительный рубеж (так же, как их потомки) до тех пор, пока не прибыло подкрепление, и фермеры рассеялись. Поразительно, как одинаковые факторы всегда будут вызывать в истории одинаковые результаты. В этой первой схватке – отображение всех наших военных столкновений с этими людьми. Нерасчетливое настойчивое наступление, поражение, бессилие фермеров против самых слабых оборонительных сооружений – та же самая история снова и снова, различающаяся лишь в степени значительности. Наталь с того времени стал британской колонией, и большая часть буров с горьким сердцем отправилась в запряженных волами фургонах на север и восток, чтобы рассказать о несправедливости своим собратьям в Оранжевом Свободном Государстве и Трансваале.

Имели ли они основания говорить о несправедливости? Сложно подняться на ту высоту философской отстраненности, которая позволяет историку абсолютно беспристрастно судить о событиях, в которых одной из сторон спорного вопроса является его собственная страна. Однако мы по меньшей мере можем допустить, что у нашего противника есть свои аргументы. Захват британцами Наталя, безусловно, не носил определенного характера, и это они, а не мы первыми подорвали власть кровожадных зулусов, распространявшуюся на всю страну. После столь тяжких испытаний и таких значительных побед им было тяжело отступить от завоеванной плодородной земли и возвратиться на бедные горные пастбища. Буры ушли из Наталя с тяжелым чувством обиды, с тех самых пор отравившим наши отношения. Это небольшое столкновение солдат и переселенцев было в определенном смысле знаменательным событием, поскольку бурам преградили путь с моря, ограничив их притязания на землю. Если бы они шли другим путем, к морским державам присоединился бы новый и, вероятно, весьма грозный флаг.

Прибывшие из Капской колонии пополняли ряды переселенцев, занимавших огромное пространство между реками Оранжевой на юге и Лимпопо на севере, пока их не стало пятнадцать тысяч. Это население размещалось на территории, равной Германии и превосходящей Пенсильванию, Нью-Йорк и Новую Англию. Форма правления у них была – либеральная демократия, почти исключая какое-либо единство. Войны с кафрами и страх вместе с неприязнью к британскому правительству, кажется, было единственным, что связывало их друг с другом. Они, как яйцеклетка, делились и размножались внутри собственных границ. Трансвааль был полон небольших крепких и в высшей степени горячих общин, которые ссорились между собой так же неистово, как они делали это с властями в Капской колонии. Лиденбург, Зоутпансберг и Почефстром находились на грани войны друг с другом. На юге, между Оранжевой рекой и Ваалем, вообще не было никакой формы правления: неуправляемая масса голландских фермеров, басуто, готтентотов и метисов хронически пребывала в состоянии брожения, не признавая ни британской власти к югу от них, ни Трансваальских республик к северу. В конце концов хаос стал невыносимым, и в 1848 году в Блумфонтейн ввели войска и присоединили этот район к Британской империи. В Боомплатсе переселенцы оказали тщетное сопротивление и после единственного поражения позволили ввести себя в круг цивилизованных норм жизни.

В это время Трансвааль, где осело большинство буров, желал официального признания своей независимости, и британские власти решили предоставить его раз и навсегда. Огромная бесплодная земля, порождавшая разве что метких стрелков, не представляла интереса

для Министерства по делам колоний, которое тяготело к ограничению своих обязанностей. Стороны подписали Сандриверскую конвенцию – один из важных моментов в южноафриканской истории. По этой конвенции британское правительство гарантировало бурским фермерам право самостоятельно вести дела в соответствии с собственными законами, без какого-либо вмешательства со стороны британцев. В качестве особого условия Британия оговорила, что не должно быть рабства, и этим умыла руки относительно этого вопроса в целом, как ей казалось, окончательно. Так официально родилась Южно-Африканская Республика.

На следующий год после подписания Сандриверской конвенции вторая республика – Оранжевое Свободное Государство (провинция) – была создана в результате добровольного ухода Великобритании с территории, которую она занимала в течение восьми лет. Восточный вопрос уже становился чрезмерно острым, и все люди видели надвигающуюся тучу большой войны. Британские официальные лица чувствовали, что имеют большие обязательства во всех частях мира, а южноафриканские присоединения, имея спорную ценность, всегда несли с собой проблемы. Против воли значительной части населения (большинства или меньшинства – сказать невозможно) мы вывели свои войска так же дружелюбно, как римляне ушли из Британии, и предоставили новой республике полную самостоятельность. На основании петиции против вывода войск правительство метрополии ассигновало тогда сорок восемь тысяч фунтов стерлингов для компенсаций пострадавшим от этой перемены. Какие бы исторические претензии ни имел к Великобритании Трансвааль, мы по меньшей мере можем утверждать, что перед Оранжевым Свободным Государством наша совесть абсолютно чиста, исключая, возможно, один момент. Таким образом, в 1852 и 1854 годах родились сильные государства, способные какое-то время держать на расстоянии объединенные силы империи.

Тем временем Капская колония, несмотря на эти отделения, процветала, и ее население (голландцы, англичане и немцы) к 1870 году превысило двести тысяч человек, голландцы все еще немного преобладали. Согласно колониальной политике либеральной партии Великобритании, пришло время отпустить поводок и позволить молодому государству действовать самостоятельно. В 1872 году ему предоставили полную автономию. Губернатор, как представитель королевы, сохранил формальное неиспользуемое право вето законодательства. По этой системе голландское большинство колонии могло привести к власти своих представителей и руководить в соответствии с голландскими традициями, оно так и сделало. Была восстановлена голландская судебная система, а голландский язык получил в стране статус официального наравне с английским. Исключительная толерантность и последовательность осуществления этих мер (как бы ни противоречили они представлениям англичан) послужили одной из главных причин сильного негодования в Капской колонии по поводу притеснения британских поселенцев в Трансваале. Голландское правительство управляло британцами в их же колонии, в то время как буры не желали допускать англичанина до выборов в муниципальный совет города, который он сам построил. Однако, к сожалению, несведущий бурский фермер продолжал воображать, что его южные родственники находятся в рабской зависимости, так же как отпрыск ирландского эмигранта все еще рисует себе Ирландию под гнетом карательных законов и чуждой церкви.

В течение двадцати пяти лет после Сандриверской конвенции бюргеры Южно-Африканской Республики вели напряженную и бурную жизнь, непрерывно сражаясь с неграми и время от времени между собой, иногда совершая неудачные нападения на небольшую голландскую республику на юге. Субтропическое солнце производило новые ферменты в спокойной фризской крови, создавая народ, который соединил темпераментность и раздражительность юга с грозной стойкостью севера. Страстная энергия и горячие амбиции порождали соперничество, достойное средневековой Италии, а история раскольнических маленьких общин живо

напоминает главу из Гвиччардини.¹¹ Произошла дезорганизация. Бюргеры не желали платить налоги, казна не пополнялась. Агрессивное племя кафров угрожало им с севера, зулусы – с востока. Английские сторонники преувеличивают, представляя, будто наше вмешательство спасло буров, поскольку нельзя, прочитав их военную историю, не увидеть, что они являлись достойными соперниками зулусам и секукуни вместе взятым. Однако масштабное нашествие, безусловно, назревало, а разбросанные фермы были так же открыты для кафров, как наши фермерские усадьбы в американских колониях, когда индейцы выходили на тропу войны. После трехмесячного изучения ситуации британский комиссар Теофилес Шепстон разрешил все вопросы формальной аннексией страны. Тот факт, что он овладел ею отрядом человек в двадцать пять, показывает его искреннее убеждение в том, что не следует опасаться какого-либо вооруженного сопротивления. Таким образом, в 1877 году была полностью аннулирована Сандриверская конвенция и открыта новая глава в истории Юга.

В тот момент не чувствовалось какого-либо сильного неприятия этого присоединения. Людей угнетали проблемы, они устали от раздоров. Президент Бюргерс подал официальный протест и поселился в Капской колонии, где получал пенсию от британского правительства. Меморандум против аннексии собрал подписи большинства бурских жителей, однако существовало значительное меньшинство, которое придерживалось противоположной точки зрения. Сам Крюгер принял оплачиваемую должность при правительстве. Все говорило за то, что, если управлять людьми разумно, под британским флагом они успокоятся. Утверждают даже, что все и сами попросили бы о присоединении, если бы мы немного повременили. При безотлагательном учреждении конституционного правительства, возможно, даже самые непримиримые из них склонились бы к тому, чтобы подавать свои протесты в избирательные урны, а не в тела наших солдат.

Однако империи всегда не везло в Южной Африке, а в этом случае – особенно. Хотя и не по причине недобросовестности, а просто из-за загруженности и медлительности обещания не были выполнены сразу. Наивные простые люди не понимают методов наших ведомств и считают уклончивость бюрократизмом и тупостью. Если бы трансваальцы подождали, они получили бы свой фольксраад и все, чего желали. Однако британскому правительству требовалось уладить некоторые другие местечковые вопросы, избавиться от секукуни и разбить зулусов, прежде чем приступить к выполнению обещаний. Такая проволочка вызвала острое недовольство. Ко всему прочему мы неудачно выбрали губернатора. Бюргеры – простодушная братия, и они любят время от времени посидеть за чашечкой кофе с равнодушным человеком, который старается ими руководить. Триста фунтов стерлингов в год на кофе, выделяемые Трансваалем своему президенту, отнюдь не проформа. Мудрый руководитель будет разделять дружелюбные и демократичные обычаи народа. Сэр Теофилес Шепстон делал это. Сэр Оуэн Ланион – нет. Не было ни фольксраада, ни кофе, и народное недовольство быстро нарастало. За три года британцы разбили две угрожавшие стране орды дикарей. Финансовые дела тоже были восстановлены. Аргументы, делавшие присоединение привлекательным, были ослаблены той самой властью, которая больше всего была заинтересована в их усилении.

Нельзя не подчеркнуть, что при этой аннексии – отправной точке наших проблем – Великобритания, как бы она ни ошибалась, не имела явного эгоистического интереса. В те дни еще не было ни копей Ранда, ни чего бы то ни было другого, чтобы прельстить алчных людей. Пустая казна и две войны с аборигенами – вот все, что мы получили. Британцы действительно считали, что страна находится в чрезвычайно расстроенном состоянии, не может управлять своими делами и превратилась, вследствие слабости, в кошмар и угрозу для соседей. В нашем поступке не было ничего низкого, хотя он, наверное, являлся и опрометчивым, и своевольным.

¹¹ Франческо Гвиччардини – флорентийский государственный деятель и историк (1483–1540).

В декабре 1880 года буры восстали. Каждая ферма выставила своих стрелков, место сбора находилось возле ближайшего британского форта. По всей стране бюргеры взяли в осаду наши небольшие отряды. Стандертон, Претория, Почефстром, Лиденбург, Ваккерстроом, Рустенберг и Марабастад – все были окружены, и все продержались до конца войны. На открытой местности нам везло меньше. Под Бронхорст-Спруитом небольшой британский отряд захватили врасплох и расстреляли без потерь со стороны противника. Оперировавший их хирург оставил запись, что среднее количество ран составляло пять на человека. Под Лаингс-Неком уступавшее в численности соединение британцев предприняло попытку взять штурмом высоту, удерживаемую бурскими стрелками. Половина наших солдат погибла и получила ранения. Исход столкновения под Ингого можно назвать неопределенным, хотя мы понесли более тяжелые потери, чем противник. И наконец, произошло поражение у Маджуба-Хилла, где четыреста пехотинцев на горе были разбиты и сброшены толпой снайперов, которые подступили, скрываясь за камнями. Все эти события являлись не более чем столкновениями, и, если бы за ними последовала конечная британская победа, о них теперь вряд ли кто-нибудь помнил. Однако тот факт, что эти столкновения достигли своей цели, придало им преувеличенное значение. Кроме того, они могут возвещать о наступлении новой военной эры, потому что сделали очевидным урок (правда, слишком плохо нами усвоенный), что солдата делает меткая стрельба, а не общая строевая подготовка. Поражает, что, получив такой опыт, британские военные власти продолжали предоставлять для стрельб только триста патронов в год и поощрять механистическую стрельбу залпами, которая не подразумевает никакой конкретной цели. Первая бурская война дала много в плане опыта (как в тактике, так и в стрелковом деле), чтобы подготовить солдата ко второй. Значение конного стрелка, меткая стрельба на разную дальность, искусство укрываться – на все это не обратили должного внимания.

За поражением у Маджуба-Хилла последовала полная капитуляция правительства Гладстона,¹² поступок и самый малодушный, и самый благородный в новейшей истории. Превосходящие британские силы были на месте, и командующий объявил, что враг у него в руках. Эти фермеры уже нарушали наши военные расчеты, и, возможно, задача Вуда и Робертса оказалась бы труднее, чем они предполагали, но, по крайней мере, на бумаге все выглядело так, что врага можно разбить без особых осложнений. Так считала общественность, но тем не менее она, как и политики, согласилась остановить поднятый меч, несомненно, по моральным и христианским соображениям. Народ считал, что аннексия Трансвааля была явной несправедливостью, что эти фермеры имели право на свободу, за которую сражались, что для великой нации недостойно продолжать несправедливую войну ради военного реванша. Это было проявлением высокого идеализма, но его результат не вдохновляет на повторение подобного.

5 марта 1881 года заключили перемирие, которое вылилось в мирный договор 23-го числа того же месяца. Правительство, уступив силе (что оно неоднократно отрицало для создания благоприятного образа), ошибочно пошло на компромисс. В политике идеализма и христианской морали нужно было идти до конца, если уж вообще вставать на этот путь. Ясно, что если аннексия была несправедливой, то Трансвааль следовало вернуть в состояние, в котором он находился до нее в соответствии с Сандриверской конвенцией. Однако правительство почему-то не пожелало заходить так далеко. Оно спорило по мелочам, играло словами и торговалось, пока новое государство не превратилось в странный гибрид, какого еще никогда не видел мир. Республика, которая являлась частью монархии, находилась в юрисдикции Министерства по делам колоний и фигурировала в разделе новостей газеты «Таймс» под заголовком «Колонии». Она была суверенной и тем не менее стала субъектом какого-то нечеткого созеренитета, границы которого никто и никогда не мог определить. В общем, своими положениями и упущен-

¹² Уильям Юарт Гладстон – английский государственный деятель и писатель, премьер-министр Великобритании.

ниями заключенная в Претории конвенция доказывает, что в тот несчастливый 1881 год наши политические дела велись так же скверно, как и военные.

С самого начала не вызывало сомнений, что столь непоследовательное и спорное соглашение не может быть окончательным. В самом деле, еще не высохли чернила, которыми его подписали, как началось активное движение за его пересмотр. Буры полагали (и справедливо), что если их оставляют бесспорными победителями в войне, то они должны получить все плоды победы. С другой стороны, самой серьезной проверке подверглась лояльность англоязычных колоний. Гордая англо-кельтская порода не привыкла сносить унижения, а действия правительства превратили их в побежденных. Хорошо было жителю Лондона успокаивать свою заветную гордость мыслью, что он совершил благородный поступок, однако совсем иначе чувствовал себя британский колонист в Дурбане или Кейптауне. Он оказался униженным перед голландским соседом, не желая того сам, ведь его мнения по этому поводу даже не спросили. У него осталось неприятное чувство уязвленного достоинства, которое, возможно, постепенно утихло бы, трактуй Трансвааль этот документ так, как предполагалось. Но это чувство становилось все более и более тяжелым, потому что в течение восемнадцати лет наши люди видели (или так думали), что уступки постоянно ведут к новым требованиям и голландские республики стремятся не просто к равенству, а к господству в Южной Африке. Доброжелательно настроенный критик профессор Брюс, лично исследовав страну и изучив этот вопрос, оставил свидетельство, что в нашем поведении буры усматривают не великодушие, не гуманизм, а только страх. Прямой народ, они не скрывали своих чувств перед соседями. Стоит ли удивляться тому, что с тех пор в Южной Африке постоянно существовала напряженность, а британский африканер со страстью, неизвестной в Англии, мечтал о часе реванша?

После войны власть Трансвааля осталась в руках триумvirата, а через год Крюгер стал президентом и занимал этот пост в течение восемнадцати лет. Его деятельность в качестве руководителя доказывает мудрость неписаного положения американской конституции, по которому ограничивается срок пребывания в этой должности. Продолжительное правление неизбежно превращает человека в диктатора. В своей простодушной, но резкой манере старый президент сам говорил, что жаль менять хорошего быка во главе упряжки. Однако, если ему позволить самому выбирать, в какую сторону идти, он может привести повозку в опасное положение.

В течение трех лет небольшое государство подавало признаки невероятной активности. Принимая во внимание, что по территории оно равнялось Франции, а население его не могло превышать 50 тысяч жителей, казалось, что людям вполне достаточно места, чтобы не мешать друг другу. Однако бюргеры переходили свои границы во всех направлениях. Президент публично заявлял, что его заперли в краале и он продолжает искать из него выход. Наметили большое переселение на север, но, к счастью, оно не заладилось. На востоке они напали на Зулуленд и, несмотря на британскую колонизацию этой земли, оторвали от нее треть и присоединили к Трансваалю. На западе, вопреки заключенному три года назад договору, они атаковали Бечуаналенд и создали две новые республики – Гошен и Стеллаленд. Эти действия были столь вопиющи, что в 1884 году Великобритании пришлось снарядить новую экспедицию под командованием сэра Чарльза Уоррена, чтобы выдворить разбойников из страны. Можно спросить, почему этих людей следует называть разбойниками, когда основателей Родезии зовут пионерами? Ответ в том, что в договоре оговаривались определенные границы Трансвааля, которые эти люди перешли, а при расширении британской державы на север не происходило никакого нарушения обязательств. Результат противоправных действий буров являл собой скандал, на фоне которого теряются все драмы Южной Африки. И снова из кармана несчастного налогоплательщика достали кошелек и вынули около миллиона фунтов на оплату расходов полицейских сил, необходимых для удержания нарушителей соглашений в рамках закона. Давайте

помнить об этом, когда будем определять величину морального и материального ущерба, нанесенного Трансваалю плохо продуманным и безрассудным предприятием Джеймсона.

В 1884 году делегация из Трансвааля посетила Англию. По их ходатайству заключенный в Претории бессмысленный договор превратился в еще более бессмысленную Лондонскую конвенцию. Все поправки в положениях договора были в пользу буров, и вторая успешная война вряд ли дала бы им больше, чем они получили от лорда Дерби в мирное время. Трансвааль был переименован в Южно-Африканскую Республику. Изменение зловеще наталкивало на мысль о будущем расширении. Контроль Великобритании над внешней политикой тоже был смягчен, хотя право вето сохранилось. Однако самый важный момент (и плодородная почва для будущей проблемы) состоял в одном упущении. Сюзеренитет – расплывчатая категория, но в политике, как в теологии, чем неопределеннее понятие, тем сильнее оно задевает воображение и чувства людей. О сюзеренитете говорилось в преамбуле к первому договору, а во втором о нем не было ни слова. Был ли договор таким образом аннулирован или оставался в силе? Точка зрения британцев состояла в том, что менялись лишь статьи договора, а преамбула осталась действительной для обоих документов. Они указывали, что в ней провозглашался не только сюзеренитет, но и независимость Трансвааля и если вступает в силу одно, то должно терять силу и другое. Буры, со своей стороны, обращали внимание на тот факт, что вторая конвенция получила собственную преамбулу, которая, казалось бы, таким образом заменила собой первую. Вопрос настолько формально-юридический, что представляется по сути одним из тех дел, которое следовало бы передавать на рассмотрение коллегии иностранных правоведов или в Верховный суд Соединенных Штатов. Если бы решение оказалось не в пользу Великобритании, мы бы приняли его смиренно как надлежащее наказание за небрежность наших представителей, которые не смогли четко сформулировать свою позицию. Карлейль¹³ говорил, что политическая ошибка всегда заканчивается для кого-то разбитой головой. К сожалению, этим кем-то обычно становится кто-то другой. Мы прочли историю политических ошибок, но очень скоро дойдем и до разбитых голов.

Вот краткое изложение событий вплоть до подписания конвенции, которая наконец определила (или не определила) статус Южно-Африканской Республики. Теперь нам придется оставить крупные вопросы и перейти к внутренним делам этого маленького государства, главным образом к той цепи событий, что занимала умы нашего народа больше, чем что-либо другое со времен Индийского народного восстания.¹⁴

¹³ Томас Карлейль – английский историк (1795–1881).

¹⁴ Народное восстание в Индии против колониального господства Англии в 1857–1859 гг.

2

Причина раздора

Может показаться, что существует какая-то связь между бесплодной поверхностью и ценностью лежащих под ней полезных ископаемых. Скалистые горы Западной Америки, безводные равнины Западной Австралии, скованные льдом ущелья Клондайка и голые склоны горной цепи в Витватерсранде – вот покровы, под которыми находятся огромные хранилища мировых богатств.

О том, что в Трансваале есть золото, знали и раньше, но только в 1886 году стало ясно, что лежащие примерно в тридцати милях к югу от столицы месторождения поразительно богаты. Содержание золота в кварце не слишком велико, и жилы не отличаются значительной толщиной, но особенность рудников Ранда¹⁵ состоит в том, что по всему золотоносному конгломерату металл распределен настолько равномерно, что предприятие может рассчитывать на стабильность, а это не характерно для этой отрасли промышленности. Там скорее карьеры, чем шахты. Добавьте к этому, что рудные жилы, которые первоначально разрабатывались при обнажении, теперь изучены на очень значительные глубины и имеют там те же характеристики, что и на поверхности. По самым скромным оценкам месторождение содержит золота на семьсот миллионов фунтов стерлингов.

Открытие произвело ожидаемый эффект. В страну ринулось огромное количество искателей приключений, некоторые из которых были достойными людьми, а другие – совсем наоборот. Однако существовали обстоятельства, отпугивавшие часть авантюристов, обычно устремляющихся ко вновь открытым месторождениям золота. Здесь добыча не радовала индивидуального старателя, самородки не сверкали под пестом для размельчения руды, как в Балларате,¹⁶ не вознаграждали золотоискателей за труды, как в Калифорнии. Это месторождение требовало сложного оборудования, которое мог обеспечить только серьезный капитал. Менеджеры, инженеры, рудокопы, технические специалисты, торговцы и маклеры, кормящиеся за счет рудников, являлись уитлендерами, подавляющее большинство которых по происхождению были англо-кельтами. Лучшие инженеры были американцами, лучшие горнорабочие – корнуольцами,¹⁷ лучшие менеджеры – англичанами. Деньги для рудников в основном собирались в Англии. С течением времени, однако, укреплялись позиции немцев и французов. Теперь их холдинги, вероятно, такие же крупные, как британские. Вскоре население центров золотодобычи превысило количество трансваальских буров, причем оно состояло преимущественно из молодых людей большого ума и энергии.

Ситуация сложилась странная. Я уже пытался донести суть дела до сознания американцев, предложив представить себе ситуацию, будто голландские граждане из Нью-Йорка переселились на запад и основали антиамериканское и в высшей степени реакционное государство. Развивая сравнение, теперь предположим, что это государство – Калифорния и обнаруженное там золото привлекло огромное количество американских граждан, которых в конце концов стало больше, чем первопоселенцев. К ним плохо относятся, облагают тяжелыми налогами, и те оглушают Вашингтон справедливыми протестами по поводу ущемления своих прав. Вот точная аналогия отношений между Трансваалем, уитлендерами и британским правительством.

То, что уитлендеры терпели серьезные притеснения, никто отрицать не станет. Перечислить их все – слишком трудоемкая задача, поскольку вся жизнь уитлендеров была омрачена

¹⁵ Сокр. от Витватерсранд.

¹⁶ *Балларат* (англ. Ballarat) – город в штате Виктория в Австралии.

¹⁷ *Корнуолл* – исторический район и графство на юго-западе Великобритании, коренные жители – кельты.

несправедливостью. Но то, что могло бы быть допустимым в 1835 году, в 1895-м стало непростительным. Их глубокая праведность не выдержала искушения. Провинциальные буры мало изменились, некоторые из них и вовсе не пострадали, однако правительство в Претории превратилось в самых порочных олигархов, корыстных и некомпетентных до высшей степени. Чиновники и приглашенные голландцы контролировали поток золота с рудников, а несчастных уитлендеров, вносящих девять десятых дохода от налогообложения, на каждом шагу обманывали и отвечали насмешками на попытки добиться избирательного права, с помощью которого можно было бы мирно устранить несправедливости, от которых они страдали. Уитлендеров нельзя назвать чрезмерно горячими. Напротив, они вели себя терпеливо до смиренности, как, скорее всего, поступает столица, оказавшись в окружении. Однако их положение стало невыносимым, и после нескольких попыток мирного обсуждения и многочисленных смиренных обращений в фольксраад они в конце концов начали осознавать, что никогда не получат удовлетворения, если не найдут способ его завоевать.

Не пытаясь перечислить все несправедливости, огорчавшие уитлендеров, можно обобщить их и выделить основные:

1. Их облагали высокими налогами, несмотря на то что они приносили примерно семь восьмых государственных доходов страны. Годовой доход Южно-Африканской Республики (составлявший 154 000 в 1886 году, когда были открыты месторождения золота) вырос в 1899 году до четырех миллионов фунтов стерлингов. Стараниями новоприбывших страна превратилась из беднейшей в самую богатую в мире (доход на душу населения).

2. Их оставили без избирательного права, несмотря на вклад, который они сделали. Они никоим образом не могли влиять на распределение крупных сумм, ими предоставляемых. Подобного прецедента (взимание налога без представительства) еще не существовало.

3. Уитлендеры не имели права голоса, когда дело касалось подбора должностных лиц и назначения им заработной платы. Люди с самыми отвратительными личными качествами могли получить неограниченную власть над большими капиталовложениями.

4. Они не могли контролировать сферу образования. Господин Джон Робинсон, руководитель отдела образования Йоханнесбурга, выделил на школы для уитлендеров 650 фунтов из 63 000, отведенных на образование. Таким образом, на каждого их ребенка приходилась сумма в один шиллинг десять пенсов в год, а на ребенка бура – восемь фунтов шесть шиллингов.

5. Они не могли участвовать в городском самоуправлении. В городе, который они сами построили, были вместо водопровода водовозы с бочками, вместо канализации грязные ведра, коррупция и самоуправство полиции, высокая смертность там, где должно быть их прибежище и место отдыха.

6. Применялась жесткая цензура со стороны правительства и ограничение права общественных собраний.

7. Уитлендеры были лишены права выступать в роли присяжных.

8. Из-за глупых законов, которые породили множество проблем, постоянно ущемлялись интересы горнопромышленников. Одни законы сказывались прежде всего на уитлендерах, работающих на рудниках, другие усложняли жизнь всем остальным. К примеру, монополия на производство динамита, вследствие которой горнорабочим приходилось дополнительно тратить 600 000 фунтов в год, а получать динамит худшего качества. Или законы, регулирующие изготовление, сбыт и потребление спиртных напитков, по которым одна треть кафров постоянно была пьяной. Некомпетентность и поборы на государственной железной дороге; предоставление отдельным лицам таможенных привилегий на многочисленные предметы повседневного спроса, по которым поддерживались высокие цены; обложение Йоханнесбурга пошлинами, не дающими городу прибыли, – еще часть реальных проблем (больших и меньших), отравлявших все сферы жизни.

К тому же представьте себе, какое постоянное раздражение будет вызывать у свободного прогрессивного человека (американца или англичанина) то, что над ним будет стоять неограниченная власть органа, состоящего из двадцати пяти человек, двадцать один из которых был публично и доказательно обвинен во взяточничестве по делу «Селати рейлвей компани». Эти люди отличались кроме порочности еще и безграничным невежеством. В печатных сообщениях о фольксрааде рассказывалось об их убежденности, будто использование зарядов динамита, чтобы прекратить дождь, есть стрельба в Господа; что истреблять саранчу – нечестиво; что не следует использовать какое-то определенное слово, потому что его нет в Библии; а стоячие почтовые ящики – расточительство и баловство. Со стороны подобные *obiter dicta*¹⁸ могут забавлять, однако они совсем не смешны, когда исходят от диктатора, определяющего условия твоей жизни.

Тот факт, что уитлендеры были всецело заняты правым делом, говорит о том, что они не просто увлекались политикой, а стремились принимать участие в управлении государством только для того, чтобы сделать более сносными условия собственной работы и повседневной жизни. Насколько сильной была необходимость в таком вмешательстве, каждый здравомыслящий человек может понять, прочтя список их претензий. При первом взгляде буров можно было бы счесть за поборников свободы, однако при более внимательном знакомстве стало понятно, что в действительности они отстаивают, причём в форме исключительного давления, все, что история считает неприемлемым (так показывают себя избранные ими руководители). Их понимание свободы эгоистично, и они последовательно притесняют других более серьезно, чем те, против которых когда-то сами восстали.

С повышением значения рудников и увеличением количества горнодобытчиков обнаружилось, что ограничение прав в политической жизни одну часть космополитически настроенных масс задевало больше, чем другую, в зависимости от того, к какой степени свободы их приучили институты государств, выходцами которых они являются. Европейские уитлендеры легче переживали то, чего американцы и британцы не могли выносить. Американцев, однако, было совсем немного, поэтому именно на британцев легла основная тяжесть борьбы за свободу. Кроме того, что британцев было больше, чем всех остальных уитлендеров вместе взятых, существовали и другие причины, заставлявшие их чувствовать унижения острее, чем представителей любого другого народа. Во-первых, многие британцы являлись британскими южноафриканцами и знали, что в соседних странах, где они родились, введены самые либеральные законы для соплеменников тех самых буров, которые отказывают им в праве заниматься канализацией и водопроводом. И с другой стороны, каждый британец знал, что Великобритания заявила о своем верховенстве в Южной Африке, и поэтому ему казалось, что родная страна, на защиту которой он рассчитывал, смотрит сквозь пальцы и молча соглашается с ненормальным положением. Как граждан властной державы их особенно уязвляла политическая зависимость. Британцы, таким образом, являлись самыми последовательными и активными из борцов.

Однако дело нельзя считать справедливым, если не излагается точка зрения и доводы противоположной стороны. Буры, как было кратко показано, потратили много сил, чтобы основать собственную страну. Они долго шли, усердно работали и отважно сражались. После всех этих усилий им было суждено увидеть наплыв в свою страну иностранцев, притом весьма подзрительных, которых стало больше, чем их самих. Если предоставить им избирательное право, нет сомнений, что если сначала буры и будут иметь большинство голосов, то впоследствии иностранцы возьмут верх и изберут собственного президента, который может повести политику, неприемлемую для первоначальных хозяев этой земли. Должны ли буры при помощи тайного голосования упускать победу, которую они завоевали оружием? Благородно ли ожидать этого?

¹⁸ Заявление, высказывание судьи, не являющееся решением по существу рассматриваемого дела (*лат.*).

Эти иммигранты приехали за золотом. Они получили его. Их компании окупались на сто процентов. Разве этого не достаточно, чтобы удовлетвориться? Если им не нравится эта страна, почему они не уезжают? Никто не заставляет их жить здесь. Но если они остаются, пусть будут благодарны, что их вообще терпят, и пусть не смеют вмешиваться в законы тех, по чьей любезности их пустили в страну.

Вот честное изложение позиции буров, и по первому впечатлению непредвзятый человек может сказать, что в ней много справедливого; но более внимательное рассмотрение покажет, что, хотя в теории она, возможно, и логична, однако на практике – несправедлива и нереалистична.

В современном густонаселенном мире политику Тибета можно осуществлять где-нибудь в укромном углу, но ей невозможно следовать на огромном пространстве страны, находящейся на пути промышленного прогресса. Ситуация чересчур неестественна. Горстка людей по праву завоевания владеет обширной территорией, на которой они разбросаны так далеко друг от друга, что гордятся тем, что из одной фермы нельзя видеть дым другой. Тем не менее (несмотря на то, что их количество так мало по сравнению с огромной территорией) они отказываются допустить сюда других людей на равных правах, а объявляют себя привилегированным классом, который будет полностью доминировать над новоприбывшими. На этой земле их меньше, чем иммигрантов, куда лучше образованных и более прогрессивных, но они держат их в таком подчинении, какого больше не существует на всем земном шаре. По какому праву? По праву завоевания. Тогда то же самое право можно справедливо реализовать, чтобы изменить столь недопустимую ситуацию. Они и сами принимали такой поворот событий. «Давайте сражайтесь! Вперед!» – кричал член фольксраада,¹⁹ когда на рассмотрение представили петицию уитлендеров о предоставлении избирательного права. «Протестуем! Протестуем! Какая польза в протестах?! – заявлял Крюгер господину В. Кэмпбеллу. – У вас нет оружия, а у меня есть». Таков неизменно был суд последней инстанции. За президентом всегда стояли судьи «крезо» и «маузер».

Кроме того, доводы буров казались бы убедительнее, если бы от иммигрантов не было прибыли. Проигнорировав их, они прекрасно могли бы утверждать, что не желают их присутствия. Однако буры обогащались за счет уитлендеров. Они не могли иметь и то и другое одновременно. Было бы более последовательно мешать уитлендерам и ничего от них не брать или создать им условия и строить на их деньги государство, а относиться к ним плохо и в то же время наращивать силы за счет налогов – не что иное, как несправедливость.

К тому же вся аргументация буров строится на ограниченном расовом предположении, что любой гражданин небурского происхождения непременно будет непатриотичным. Исторические примеры опровергают это мнение. Новый гражданин быстро начинает так же гордиться своей страной и так же ревностно оберегать ее свободу, как и старый. Если бы президент Крюгер великодушно предоставил уитлендеру избирательное право, бурская пирамида твердо опиралась бы на свое основание, а не балансировала на вершине. Коррупцированная олигархия исчезла бы, и более толерантный дух всеобъемлющей свободы сказался бы на тактике государства. Республика стала бы сильнее и прочнее, имея население, которое, пусть и расходится в точках зрения на детали, сходилось бы во взглядах на основные вещи. Отвечало бы такое решение британским интересам в Южной Африке – совсем другой вопрос. Так или иначе, президент Крюгер явно выступил большим другом империи.

Вот, что касается общего вопроса о причинах, почему уитлендеры волновались, а буры упрямылись. Детали продолжительной борьбы между соискателями избирательного права и

¹⁹ *Фольксраад* (афр. Volksraad; народный совет) – представительный орган (парламент) в независимых республиках, образованных африканерами (бурами) в Южной Африке 1835–1845 гг. Фольксраадом на африкаанс также называется южноафриканская Палата Собраний, которая являлась нижней палатой южноафриканского парламента в 1910–1994 годах, и совещательный орган, созданный голландскими властями в Индонезии и существовавший с 1916 по 1942 год.

теми, кто им в этом отказывал, можно опустить, однако не придать им никакого значения нельзя, если хочешь понять, как началось великое противостояние, ставшее следствием этой борьбы.

В момент принятия Преторийской конвенции (1881 год) избирательное право предоставлялось гражданам, прожившим больше года в стране. В 1882 году ценз пребывания повысили до пяти лет – разумный срок, принятый и в Великобритании, и в Соединенных Штатах. Если бы он таким и остался, можно не сомневаться, что никогда не возникли бы ни уитлендерский вопрос, ни Большая бурская война. Притеснения были бы ликвидированы изнутри, без внешнего вмешательства.

В 1890 году наплыв иммигрантов встревожил буров, и избирательное право стали предоставлять прожившим в стране уже более четырнадцати лет. Уитлендеры, число которых быстро увеличивалось и которые страдали от уже перечисленных притеснений, поняли, что при таком количестве несправедливостей бессмысленно рассчитывать на ликвидацию их *seriatim*.²⁰ Только получив рычаг избирательного права, они могли надеяться улучшить угнетавшую их тяжелую ситуацию. В 1893 году 13 000 уитлендеров обратились в фольксраад с петицией, сформулированной в самых уважительных выражениях. Обращение пренебрежительно проигнорировали. Эта неудача, однако, не остановила организовавший эту акцию Национальный союз реформ. В 1894 году он снова пошел в наступление. На сей раз Союз представил петицию, подписанную 35 000 взрослых уитлендеров-мужчин, что было больше всего бурского мужского населения страны. Небольшая прогрессивная часть фольксраада поддержала их меморандум и тщетно пыталась добиться какой-то справедливости для новоприбывших. Рупором этой группы избранных был господин Йеппе. «Они владеют половиной земли, они вносят по меньшей мере три четверти налогов, – сказал он. – Это люди, которые по состоянию, энергии и образованности как минимум нам равня. Что станет с нами или нашими детьми, когда в один прекрасный день нас окажется один к двадцати? Не останется ни единого друга среди остальных девятнадцати, которые тогда скажут, что они хотели быть нам братьями, а мы собственными руками превратили их в чужих для республики людей». Этим разумным и либеральным чувствам дали бой те члены фольксраада, которые утверждали, что подписи под петицией не могут принадлежать законопослушным гражданам, поскольку фактически они выступают против закона об избирательном праве. К ним присоединились и те, чья нетерпимость выразилась в уже процитированном нами вызове одного из них – «выходить и сражаться». Поборники исключительности и шовинизма взяли верх. Меморандум отвергли шестнадцатью голосами против восьми. По инициативе президента закон об избирательном праве стал еще строже, чем когда-либо, поскольку теперь требовал, чтобы соискатель отказался от предыдущего гражданства на четырнадцать лет испытательного срока. Таким образом, на этот период он фактически оказывался человеком без гражданства. Стало совершенно ясно, что никакие действия со стороны уитлендеров не смягчат президента и его бюргеров. Каждого, кто выступал с увещеваниями, президент выводил из государственного здания и указывал на национальный флаг. «Видите этот флаг? – говорил он. – Дать избирательное право все равно что спустить его». Он испытывал к иммигрантам острую неприязнь. «Бюргеры, друзья, воры, убийцы, иммигранты и другие» – самое дружелюбное начало одного из его публичных выступлений. Несмотря на то что Йоханнесбург находится лишь в тридцати двух милях от Претории, а государство, главой которого он являлся, зависело от налогов с золотых рудников, президент посетил его только три раза за девять лет.

Эта стойкая неприязнь была достойной сожаления, но для него естественной. От националиста, за свою жизнь прочитавшего одну-единственную книгу, в которой именно эта идея и утверждается, нельзя ожидать, что он воспримет уроки истории, говорящие о том, как выиг-

²⁰ «Пункт за пунктом», «по порядку», «последовательно» (лат.).

рывает государство от политики либерализма. Для него все звучало, как будто аммонитяне и моавитяне²¹ потребовали признания их коленом Израилевым. Он принял выступление против ограничительной политики государства за борьбу против самого государства. Доступное избирательное право сделало бы его республику устойчивой и прочной. Лишь незначительное меньшинство уитлендеров имело какое-то желание стать частью британской системы. В целом они представляли собой космополитичную массу, объединенную только общей для них несправедливостью. Но когда все другие методы не принесли результата, а просьбу о полном гражданстве им швырнули обратно, их глаза естественно обратились к флагу, развевающемуся на севере, западе и юге от них, – флагу, который подразумевает справедливость власти с равными правами и одинаковыми обязанностями для всех людей. Они отложили в сторону обсуждение конституции, контрабандой ввезли оружие и подготовились к организованному восстанию.

События, последовавшие в начале 1896 года, были так подробно описаны, что, возможно, нечего и сказать, кроме того, что это правда. Что касается самих уитлендеров, то их действия в высшей степени понятны и оправданны, они имели все основания для восстания против притеснений, каким никогда еще не подвергались люди нашей расы. Если бы они положились только на себя и справедливость своего дела, то их дух и даже материальное положение были бы много тверже. Однако, к несчастью, за ними стояли некие силы, природа и масштаб которых до сих пор (несмотря на учреждение двух комиссий по этому делу) полностью не раскрыты. Прискорбно, что были допущены попытки ввести следствие в заблуждение и скрыть документы, чтобы выгородить отдельные лица, поскольку осталось впечатление (полагаю, абсолютно ложное), будто британское правительство потворствовало военной вылазке, которая была столь же аморальна, сколь и пагубна.

Было решено, что в определенную ночь город поднимется, атакует Преторию, захватит форт и использует оружие и боеприпасы для вооружения уитлендеров. Это был осуществимый план, хотя нам, имеющим теперь представление о боевых качествах бюргеров, он, должно быть, кажется весьма безрассудным. Понятно, что восставшие рассчитывали удерживать Йоханнесбург, пока всеобщее сочувствие их делу, распространившееся по всей Южной Африке, не заставит Великобританию вмешаться. К сожалению, они усложнили ситуацию, попросив помощи извне. Премьером Капской колонии являлся мистер Сесил Родс, человек огромной энергии, сделавший для империи много хорошего. Мотивы его поступка неясны – конечно, мы можем говорить, что они не были постыдными, поскольку он всегда оставался человеком с великими помыслами и скромными привычками. Но каковы бы они ни были (либо неконтролируемым желанием объединить Южную Африку под британским правлением, либо горячим сочувствием уитлендерам в их борьбе против несправедливости), факт, что он позволил своему лейтенанту Джеймсону собрать конную полицию «Чартеред компани», основателем и руководителем которой являлся Родс, чтобы помочь восставшим в Йоханнесбурге. Более того, когда восстание в Йоханнесбурге вследствие разногласий относительно того, под каким флагом подниматься, решили отложить, Джеймсон (по приказу Родса или без такого приказа) заставил заговорщиков действовать немедленно и совершил вторжение в страну силами, до смешного недостаточными для решения задачи, – теми, которыми располагал. Пять сотен полицейских и три полевых орудия выдвинулись из Мафекинга, ввязавшись в безнадежное предприятие, и 29 декабря 1895 года пересекли границу Трансваала. 2 января буры окружили их на пересеченной местности под Дорнкопом. Потеряв многих убитыми и ранеными, оставшись без продовольствия, с истощенными лошадьми, они были вынуждены сложить оружие. В столкновении погибло шесть бюргеров.

²¹ Аммонитяне и моавитяне – древние народы Палестины.

Уитлендеров сурово порицают за то, что они не выслали отряд, чтобы помочь Джеймсону в трудный момент, однако непонятно, как они могли поступить иначе. Они сделали все, что было в их силах, для предотвращения выступления Джеймсона на их освобождение, и теперь довольно неразумно полагать, что им следовало освободить своего освободителя. Они, несомненно, переоценивали силу его отряда и с недоверием встретили известие об его пленении. Когда же это известие подтвердилось, они поднялись, правда, с неохотой, но не из-за недостатка смелости, а вследствие сложности своего положения. Во-первых, британское правительство категорически отреклось от Джеймсона и делало все, чтобы предотвратить восстание. Во-вторых, президент держал участников налета под стражей в Претории и давал понять, что их судьба зависит от того, как поведут себя уитлендеры. Их убеждали, что, если они не сложат оружие, Джеймсона расстреляют, хотя на самом деле Джеймсон и его люди сдались на условиях сохранения им жизни. Крюгер настолько искусно спекулировал заложниками, что ему удалось (с помощью британского специального уполномоченного) добиться того, что тысячи возбужденных жителей Йоханнесбурга сложили оружие без кровопролития. Полностью замороченные хитрым старым президентом, лидеры движения за реформы использовали все свое влияние, чтобы восстановить мир, полагая, что последует всеобщая амнистия. Однако, когда они и их люди оказались беспомощными, вооруженные бюргеры оккупировали город и шестьдесят человек из числа восставших были немедленно отправлены в преторийскую тюрьму.

Непосредственно к участникам набега президент проявил великодушие. Возможно, его сердце смягчилось в отношении людей, которым удалось дать ему права и завоевать для него сочувствие всего мира. Его собственное нетерпимое и жесткое обращение с иммигрантами было забыто в свете этого противозаконного вторжения. Оно настолько затмило истинные проблемы, что понадобились годы, чтобы их снова увидеть, а может, так никогда полностью и не разглядят. Было забыто, что именно дурное руководство страной являлось истинной причиной этого прискорбного вторжения. С того момента правительство могло действовать хуже и хуже, всегда имея возможность указывать на набег, который все оправдывал. Предоставить уитлендерам избирательное право? – Да как они могут рассчитывать на это после вторжения?! Британия возражает против огромных закупок вооружения и совершенно очевидной подготовки к войне? – Они лишь принимают меры предосторожности против следующего набега. Долгое время то вторжение стояло на пути не только всего прогресса, но и любых возражений. Британское правительство оказалось под подозрением и с подмоченной репутацией вследствие действий, которыми оно не руководило, а, напротив, сделало все, чтобы их предотвратить.

Участников набега отослали домой, где их совершенно справедливо демобилизовали, а старших офицеров приговорили к разным срокам тюремного заключения, что, безусловно, достаточно сурово. Сесила Родса не наказали, он сохранил членство в Тайном совете, и его «Чартеред компани» продолжила существование. Это было непоследовательно и не поставило точки в деле. Как сказал Крюгер, «...нужно наказывать не собаку, а человека, который ее на меня натравил». Общественное мнение (несмотря или вследствие большого количества свидетелей) было плохо информировано относительно правильного понимания вопроса, и стало ясно, что поскольку отношение голландцев Капской колонии к нам враждебно, то небезопасно отталкивать еще и британского африканера, превращая в мученика их любимого лидера. Но каковы бы ни были доводы в пользу целесообразности, понятно, что буров сильно возмущала (и справедливо) неприкосновенность Родса.

Тем временем и президент Крюгер, и его бюргеры проявили к политическим заключенным из Йоханнесбурга большую суровость, чем к вооруженным соратникам Джеймсона. Весьма любопытна их национальность: двадцать три англичанина, шестнадцать южноафриканцев, девять шотландцев, шесть американцев, два валлийца, один ирландец, один австралиец, один голландец, один баварец, один канадец, один швейцарец и один турок. Узников арестовали в январе, но суд состоялся только в конце апреля. Всех признали виновными в госу-

дарственной измене. Мистера Лайонела Филлипса, полковника Родса (брата Сесила Родса), Джоржа Фаррара и мистера Хаммонда, американского инженера, приговорили к смертной казни. Приговор впоследствии смягчили до выплаты огромного штрафа. Другим пленникам назначили по два года тюремного заключения и штраф 2000 фунтов. Заключение было в высшей степени мучительным, его усугубляла грубость тюремного надзирателя дю Плесси. Один из несчастных перерезал себе горло, а несколько человек серьезно заболели вследствие ужасного питания и антисанитарных условий. Наконец в конце мая узников, за исключением шести человек, освободили. Вскоре за ними последовали еще четверо из этих шести, а двое непреклонных, Сампсон и Дейвис, отказывавшихся подписывать какие-либо прошения, оставались в тюрьме до 1897 года. Правительство Трансвааля в качестве штрафов получило от политических узников в целом огромную сумму в 212 000 фунтов стерлингов. Сразу после этого некоторое комичное разнообразие в столь печальный эпизод внес предъявленный Великобритании счет на 1 677 938 фунтов 3 шиллинга 3 пенса, основная часть которого проходила по статье – «моральный и интеллектуальный ущерб».

Вторжение осталось в прошлом, движение за реформы тоже, но причины, их вызвавшие, продолжали существовать. Трудно понять, почему государственный деятель, который любит свою страну, не сделал ни единого усилия, чтобы изменить положение вещей, уже послужившее причиной серьезных опасностей и с каждым годом усугублявшееся. Однако Паулус Крюгер ожесточился сердцем, и ничто не могло его изменить. Притеснения уитлендеров только усилились. Единственной инстанцией, к которой они раньше имели возможность обратиться, чтобы получить хоть какую-то сатисфакцию за свои обиды, был суд. Теперь вышел закон о подчинении судов фольксраду. Главный судья выразил протест против подобного снижения статуса его высокого поста и в результате был смещен без назначения пенсии. Занял вакансию судья, который приговорил реформаторов, и уитлендеры лишились твердой защиты закона.

Чтобы изучить ситуацию в горнодобывающей промышленности и законы, от которых страдают иммигранты, была направлена государственная комиссия. Председателем являлся мистер Схалк Бюргер, один из наиболее либеральных буров, и разбирательство велось тщательно и непредвзято. В результате появился доклад, полностью реабилитирующий реформаторов и предлагавший меры, чтобы соблюсти интересы уитлендеров. Законы, свободные от предрассудков, могли бы уменьшить их желание так настоятельно получить избирательное право. Однако президент и его совет не пожелали принять рекомендации комиссии. Прямолинейный старый диктатор объявил, что, подписав подобный документ, Схалк Бюргер предал свою страну, а затем создал новую реакционную комиссию для оценки доклада. Слова и бумаги стали единственным продуктом этого дела. Никакого улучшения положения жизни иммигрантов не произошло. Однако они, по крайней мере, снова привлекли внимание общества к своим проблемам, и наиболее уважаемые бюргеры их поддержали. Постепенно в прессе англоязычных стран тема вторжения перестала затмевать истинную сущность проблемы. Становилось все яснее и яснее, что устойчивый мир невозможен там, где меньшинство населения притесняет большинство. Уитлендеры пользовались мирными методами и потерпели неудачу. Они прибегли к силе и ничего не добились. Какие пути им остались? Их родная страна, господствующая в Южной Африке держава, никогда не помогала им. Может быть, если прямо обратиться к ней, она откликнется? Она не сможет, хотя бы из соображений собственного имперского престижа, навсегда оставить своих детей в униженном положении. Уитлендеры решили обратиться с петицией к королеве и таким образом вынести свои претензии за пределы внутреннего конфликта в область международной политики. Великобритания должна была либо защитить их, либо признать, что это не в ее силах. В апреле 1899 года прямое обращение к королеве с просьбой о защите подписала двадцать одна тысяча уитлендеров. С этого момента события неотвратимо развивались в одном направлении. Иногда поток был спокойный, иногда появлялась рябь, однако он двигался неизменно быстро, и рев водопада в ушах постоянно усиливался.

3

Переговоры

Британское правительство и британский народ не желали прямого правления в Южной Африке. Их главный интерес состоял в том, чтобы различные страны жили там в согласии и достатке и не было бы нужды в присутствии британского «красного мундира»²² по всему этому огромному полуострову. Наши зарубежные критики с их неправильным представлением о британской колониальной системе никак не могут понять, что государственные доходы Великобритании ни на шиллинг не зависят от того, развеивается над автономной колонией четырехцветный флаг Трансвааля или «Юнион Джек».²³ Трансвааль, как британская провинция, будет иметь собственное законодательство, свой доход, свои расходы и свои собственные таможенные тарифы для метрополии, как и для всего остального мира. Англия не станет богаче от такой перемены. Это настолько очевидно для британца, что он прекратил разговоры на эту тему и, возможно, именно потому остается непонятым за границей. Более того, ничего не выигрывая от этого, метрополия оплачивает новый статус кровью и деньгами. Таким образом, у Великобритании были все основания избегать столь тяжелой задачи, как завоевание Южно-Африканской Республики. В лучшем случае она ничего не выгадывала, в худшем – многое теряла. Здесь не было места амбициям или агрессии. Выбор состоял в том, чтобы уклониться или исполнить в высшей степени тяжкий долг.

Не может быть и речи о существовании плана захвата Трансвааля. В свободной стране правительство не может игнорировать общественное мнение, которое испытывает влияние печати и отражается в газетных статьях. Прочтите подшивки прессы за месяцы переговоров, вы не найдете там ни единого материала в поддержку аннексии, как не нашли бы и в обществе ни единого адвоката такой меры. Однако имела место огромная несправедливость, а все, что требовалось, – это минимальные меры, чтобы ликвидировать несправедливость и восстановить в Африке равенство между белыми людьми. «Будь Крюгер более либеральным в предоставлении избирательного права, – писала газета, которая точнее других представляла наиболее разумную позицию британцев, – его республика станет не слабее, а много прочнее. Дай он полное право голоса большинству совершеннолетних жителей мужского пола, сразу придаст своей республике стабильность и мощь, какой она не может получить ни от чего другого. Если же он отвергнет все изменения в этом вопросе и будет упорно следовать сегодняшней политике, то, вероятно, отодвинет беду и сохранит свою драгоценную олигархию еще на несколько лет, однако конец все равно будет тем же самым». Прочитанный фрагмент отражает настрой всей британской прессы, за исключением одной или двух газет, которые полагали, что даже постоянно дурное обращение с нашими людьми и тот факт, что мы несем за них непосредственную ответственность, не оправдывает нашего вмешательства во внутренние дела другой республики. Нельзя отрицать, что «рейд Джеймсона» и то, как неполно были расследованы связанные с ним обстоятельства, ослабили позицию тех, кто был за энергичное выступление в интересах британских подданных. Существовало хотя и смутное, но присутствующее у многих чувство, что капиталисты накаляют ситуацию в собственных целях. Трудно себе представить, как состояние недовольства и неопределенности в обществе, не говоря уже о войне, может быть выгодно, и, несомненно, ясно, что, если какой-то ловкач использовал бы проблемы уитлендеров в своих интересах, лучшим средством сорвать его планы было бы просто решить

²² «Красные мундиры» – прозвище английских солдат, данное из-за красного мундира, появилось во времена Войны за независимость в Северной Америке.

²³ «Юнион Джек» (от *англ.* Union Jack) – флаг Британской империи в 1603–1997 гг.

эти проблемы. Такое подозрение тем не менее реально существовало у тех, кому нравилось не замечать главного и преувеличивать второстепенное. В течение переговоров мощь Великобритании была ослаблена искренним, но трусливым и нереалистичным меньшинством, на что, несомненно, и рассчитывал противник. Идеализм и болезненная, беспокойная совестливость – два самых опасных несчастья, от которых вынуждено страдать современное прогрессивное государство.

Британские уитлендеры послали в родную страну просьбу о защите в апреле 1899 года. С апреля предыдущего года велась переписка между доктором Лейдсом, статс-секретарем Южно-Африканской Республики, и британским министром колоний мистером Чемберленом по поводу существования или отсутствия сюзеренитета. Одна сторона утверждала, что вторая конвенция полностью аннулировала первую, другая – что преамбула первой конвенции применяется также и ко второй. Если точка зрения Трансвааля была верна, ясно, что Великобритании обвели вокруг пальца и обманом поставили в такое положение, поскольку она не получила во второй конвенции *quid pro quo*,²⁴ а даже от самого невнимательного из министров колоний вряд ли можно ожидать, что он отдаст нечто весьма существенное просто так. Точка зрения Трансвааля возвращает нас к риторическому вопросу о существовании сюзеренитета. Трансвааль признал право вето в своих внешнеполитических делах, что само по себе, если они прямо не разорвут этой конвенции, лишает их государство независимости. В общем, этот вопрос следует признать достойным передачи в третейский суд, заслуживающий доверия.

Однако теперь к этому спору (не слишком горячему, поскольку между заявлением и ответом проходило семь месяцев) прибавился насущный и мучительный вопрос притеснений, а также петиции уитлендеров. Сэр Альфред Милнер, человек либеральных убеждений, британский комиссар в Южной Африке, который был назначен правительством консерваторов, пользовался уважением и доверием всех партий. Он имел репутацию способного здравомыслящего человека, слишком порядочного, чтобы поступать несправедливо или терпимо к этому отношению. Именно ему поручили дело, между ним и президентом Крюгером была организована встреча в Блумфонтейне, столице Оранжевого Свободного Государства. Они встретились 30 мая. Крюгер заранее объявил, что можно обсуждать любые вопросы, кроме независимости Трансвааля. «Все, все, все!» – твердо заявлял он. Однако на практике обнаружилось, что стороны не могут договориться о том, что угрожает этой независимости, а что нет.

Необходимое для одного являлось неприемлемым для другого. Милнер настаивал на том, что срок, который предшествовал бы получению избирательного права и условий, обеспечивающих адекватное представительство для горнодобывающих районов, должен быть не менее пяти. Крюгер предложил семилетний срок вкупе с многочисленными ограничениями, практически сводящими на нет ценность законодательного акта, а также обещал пять членов из тридцати одного человека, чтобы представлять большинство мужского населения. Он также добавил условие, что все разногласия должны выноситься на рассмотрение других держав – условие, несовместимое с сюзеренитетом. Предложения одного являлись невыполнимыми для другого, и в начале июня сэр Альфред Милнер возвратился в Кейптаун, а президент Крюгер в Преторию, не урегулировав ничего, но с ощущением чрезвычайной сложности вопроса. Поток мчался быстро, и шум водопада становился громче.

12 июня сэр Альфред Милнер принял в Кейптауне депутацию и дал оценку ситуации. «Принцип равенства народов, – сказал он, – являлся для Южной Африки необходимым. Одно государство, в котором существовало неравенство, в напряжении держало все остальные. Наша политика была политикой не агрессии, а исключительного терпения, которое, однако, не может превращаться в равнодушие». Двумя днями позже Крюгер обратился к фольксраду. «Противоборствующая сторона не уступила ни пяди, и я не мог дать больше. Господь всегда помогал

²⁴ «Услуга за услугу», в данном контексте – компенсация (*лат.*).

нам. Я не хочу войны, но и не подарю ничего. Пусть однажды у нас отняли независимость, но Господь ее возвратил». Он, несомненно, говорил со всей искренностью, однако трудно слышать благодарность Богу за режим, который поощрял спаивание негров и породил самых коррумпированных чиновников в современном мире.

Официальный доклад сэра Альфреда Милнера, в котором излагалось его мнение относительно сложившегося положения, как ничто другое, заставил британское общество осознать серьезность ситуации и почувствовать настоятельную необходимость в усилиях государства, чтобы поправить дело.

В докладе говорилось следующее: «Доводы за вмешательство перевешивают все остальные. Существует позиция, что все наладится само собой. Однако в действительности политика невмешательства, проводимая уже долгое время, только усугубила ситуацию. Неправда, что ухудшение положения произошло вследствие рейда Джеймсона. Дела шли все хуже до того, как был предпринят этот рейд. В его канун мы находились на грани войны, а Трансвааль – на грани революции. В результате рейда политика невмешательства получила новых сторонников, но последствия ее остались прежними.

Созерцание тысяч британских подданных, постоянно находящихся на положении рабов, страдающих от бесспорных притеснений и тщетно взывающих к правительству Ее Величества о помощи, неуклонно подрывает влияние и авторитет Великобритании при правлении королевы. Ряд печатных изданий, и не только в Трансваале, открыто и постоянно проповедуют доктрину единой республики на всей территории Южной Африки, поддерживая ее зловещными намеками на вооружение Трансвааля, его альянс с Оранжевым Свободным Государством и активное сочувствие, которое, в случае войны, окажет часть подданных Ее Величества. С сожалением должен отметить, что эта доктрина, подкрепляемая также нескончаемым потоком злобной лжи о намерениях правительства Ее Величества, производит большое впечатление на огромное количество наших голландских колонистов. Часто возникают разговоры о том, будто голландцы даже в Капской колонии имеют какое-то преимущественное право перед их согражданами британского происхождения. В тысячах людей, настроенных миролюбиво и, если их оставить в покое, полностью удовлетворенных своим положением британских подданных, культивируют недовольство, что, в свою очередь, раздражает британцев.

Я не вижу ничего, что могло бы положить конец этой вредной пропаганде, кроме убедительного доказательства намерения правительства Ее Величества не ослаблять своих позиций в Южной Африке».

Вот авторитетные и взвешенные слова, которыми британский проконсул предупреждал своих соотечественников о надвигающемся будущем. Он видел, что на севере собирается грозная туча, но даже его глаза еще не различали, насколько буря была близка и ужасна.

В течение последней декады июня и начале июля большие надежды возлагались на посредничество глав Союза африканеров, политической партии голландцев Капской колонии.²⁵ С одной стороны, они были соплеменниками буров, с другой – являлись британскими подданными и пользовались всеми преимуществами тех демократических институтов, которые мы хотели распространить на Трансвааль. «Только относитесь к нашим братьям так, как мы относимся к вашим!» – вся суть наших разногласий сконцентрировалась в этой мольбе. Однако миссия никаких результатов не дала, хотя проект, предложенный господами Хофмейером и Герхолдтом из Союза африканеров и Фишером из Оранжевого Свободного Государства, был представлен в совет и одобрен мистером Шрайнером, африканером, премьером Капской колонии. В первоначальном варианте статьи закона были запутанными и расплывчатыми, срок, предшествующий наступлению избирательного права, варьировался от девяти до семи лет в зависимости от условий. Однако в ходе дискуссии они были изменены: срок сократился до семи

²⁵ Капская колония существовала в 1880–1911 гг.

лет, а представительство золотых приисков возросло до пяти человек. Эта уступка не была значительной, как и представительство для большинства населения нельзя назвать щедрым, однако сокращение срока разрешения на право голоса горячо приветствовали в Англии как знак того, что компромисс может быть достигнут. Страна издала вздох облегчения. «Если, – сказал министр колоний, – сообщение подтвердится, то это важное изменение в предложениях президента Крюгера, вкупе с предыдущими поправками, даст нашему правительству основания надеяться, что новый закон может стать основой для урегулирования на позициях, заложенных сэром Альфредом Милнером при встрече в Блумфонтейне». Он добавил, что введены некоторые осложняющие условия, но заключил: «Правительство Ее Величества чувствует уверенность, что президент Трансваала будет готов пересмотреть любую деталь проекта, которая может стать препятствием для полного решения рассматриваемой проблемы, и не позволит свести на нет или снизить значение принятого решения последующими изменениями закона и административными актами». Тогда же «Таймс» объявила, что кризис разрешен. «Если голландские политики Капской колонии убедили своих собратьев в Трансваале провести такой билль, то они заслуживают глубокой благодарности не только своих соотечественников и английских колонистов в Южной Африке, но и всей Британской империи и цивилизованного мира».

Однако этой ясной перспективе вскоре суждено было затуманиться. Встали вопросы о деталях, при ближайшем рассмотрении оказавшихся весьма значительными. Уитлендеры и британские южноафриканцы, которые в прошлом не раз убеждались, насколько иллюзорными могут быть обещания президента Трансваала, настаивали на гарантиях. Предложенные семь лет, объявленные сэром Альфредом Милнером как несократимый минимум, увеличились на два года от первоначального периода. Этот пункт не помешал бы согласиться с законопроектом, даже за счет некоторого унижения нашего представителя. Однако существовали положения, которые вызывали подозрения, поскольку были разработаны столь ловким дипломатом. Одно из них гласило, что иностранец, претендующий на гражданство, должен представить свидетельство о постоянной регистрации в течение определенного времени. Но закон о регистрации в Трансваале вышел из употребления, и, следовательно, эта статья могла сделать весь билль бессмысленным. Поскольку ее заботливо сохраняли, значит, безусловно, намеревались использовать. Дверь открыли, но заблокировали ее камнем. И еще, непрерывное гражданство иммигрантов поставили в зависимость от решения первого фольксраада, так что, если члены от горнопромышленников предложат какую-либо реформу, не только их законопроект, но и их самих бурское большинство сможет выкинуть из палаты. Что могла делать оппозиция, когда правительство в любой момент имело возможность голосованием лишить их всех парламентского мандата? Было ясно, что меру, содержащую подобные статьи, необходимо тщательно проанализировать, прежде чем британское правительство сможет принять ее за окончательное урегулирование и обеспечение справедливости подданным короны. С другой стороны, оно, естественно, не желало отвергать статьи, обещающие улучшение их положения. Поэтому оно предложило, чтобы каждое правительство назначило представителей в согласительную комиссию, которая выяснит пригодность предлагаемого закона до того, как он примет окончательный вид. Предложение было представлено в совет 7 августа с добавлением, что, когда это будет сделано, сэр Альфред Милнер готов обсуждать все остальные моменты, включая суд, без вмешательства иностранных держав.

Идею согласительной комиссии критикуют как непростительное вмешательство во внутренние дела другой страны. Но тогда весь вопрос с самого начала касался внутреннего дела другой страны, поскольку внутреннее равноправие белых жителей являлось условием, на котором было восстановлено самоуправление Трансваала. Безнадежно предлагать сравнения, но представьте, как повела бы себя Франция, вмешайся Германия в вопрос предоставления во Франции избирательного права. Однако, если бы во Франции немцев находилось столько же,

сколько французов, а права их были бы ущемлены, Германия вмешалась бы достаточно быстро и продолжала бы делать это до установления справедливого *modus vivendi*.²⁶ Дело в том, что ситуация Трансвааля единична, такого положения вещей нигде не существовало, и к нему нельзя применить претензий, кроме общей нормы, что меньшинство белых людей не может всегда облагать налогами и управлять большинством. Чувство склоняется в сторону меньшего народа, но разум и право – полностью на стороне Англии.

На предложения министра колоний долго не реагировали. Из Претории не поступало никакого ответа. Но по обе стороны появились свидетельства, что приготовления к войне, которые скрытно осуществлялись еще до рейда Джеймсона, теперь поспешно завершаются. На вооружение тратились суммы, громадные для столь небольшого государства. Ящики с винтовками и боеприпасами потекли в арсенал не только из залива Делагоа,²⁷ но даже (к негодованию английских колонистов) через Кейптаун и Порт-Элизабет. Большие ящики с ярлыками «Сельскохозяйственные орудия» и «Горное оборудование» прибывали из Германии и Франции, чтобы расположиться в фортах Йоханнесбурга или Претории. В бурских городах мелькали люди из разных стран, но с одинаковым воинственным выражением лица. Европейские *condottieri*²⁸ были как никогда готовы променять свою кровь на золото, и в конце концов они смело выполнили свою часть сделки. Более трех недель, пока мистер Крюгер хранил молчание, шли эти красноречивые приготовления. Однако гораздо больше ситуацию определял другой факт. Бюргер не может воевать без своей лошади, его лошадь не может двигаться без травы, трава будет только после дождя, а до периода, когда должен пойти дождь, оставалось несколько недель. Переговоры, следовательно, требовалось затягивать до тех пор, пока земля представляла собой голую, красновато-коричневую, пыльную равнину. Мистер Чемберлен и британское общество неделю за неделей ждали ответа на свой вопрос. Однако и их терпению есть предел, и он наступил 26 августа, когда министр колоний сказал с прямоотой, нехарактерной для языка дипломатии, что вопрос не может оставаться в подвешенном состоянии вечно. «Время истекает, – сказал он. – Если оно закончится, мы не ограничимся тем, что предлагали раньше. Причем, взявшись за дело, не отступимся, пока не обеспечим условий, которые раз и навсегда положат конец разговорам о том, кто является в Южной Африке господствующей державой, и предоставят нашим согражданам те самые равные права, которые обещал им президент Крюгер, когда королева даровала Трансваалю независимость. Это самое малое, что по справедливости они должны иметь». Немногим раньше лорд Солсбери был столь же эмоционален. «Никто в нашей стране не желает нарушать соглашений, пока признается, что, гарантируя независимость Трансвааля с одной стороны, они гарантируют равные политические и гражданские права поселенцам всех национальностей – с другой. Однако эти соглашения не являются “законом мидян и персов”». ²⁹ Они не вечны, их можно аннулировать, а однажды отмененные, они уже никогда не будут восстановлены в прежнем виде». Долготерпению Великобритании начал подходить конец.

Между тем из Трансвааля прибыло новое официальное послание, предлагающее альтернативу согласительной комиссии. В нем говорилось, что бурское правительство примет предложения сэра Альфреда Милнера относительно избирательного права при условии, что Великобритания откажется от претензий на сюзеренитет, согласится на третейский суд и даст

²⁶ От *лат.* *Modus vivendi*. 1. Прямое значение: «образ жизни», *modus* – «образ, способ», *vivendi* – «жизни, существования». 2. Переносное значение: «согласие на разногласие», то есть вид временного соглашения, при котором стороны, которые не способны договориться в ближайшее время, все же могут как-то мирно сосуществовать друг с другом до принятия окончательного соглашения. Основное отличие «модуса вивенди» от обычного соглашения в том, что ему не нужна ратификация в парламенте. Обе стороны изначально понимают временный характер такого соглашения и необходимость договориться по всем вопросам в будущем.

²⁷ Залив Мапуту в Индийском океане у берегов Мозамбика.

²⁸ *Кондотьеры* – люди, готовые за деньги сражаться за любое дело, солдаты-наемники.

²⁹ «Закон мидян и персов» – указ в Персии, с царской печатью «Отмене не подлежит».

обещание никогда больше не вмешиваться во внутренние дела республики. На это Великобритания ответила, что готова согласиться на арбитраж, надеется больше никогда не иметь оснований вмешиваться для защиты своих подданных, поскольку с предоставлением избирательного права все предпосылки для такого вмешательства исчезнут, но она никогда не согласится отказаться от своего положения сюзерена. Официальное послание мистера Чемберлена заканчивалось напоминанием правительству Трансвааля о том, что кроме избирательного права между двумя правительствами остаются открытыми и другие спорные вопросы, которые следует разрешить одновременно с первым. Под ними он подразумевал положение коренных народов и отношение к англо-индусам.

2 сентября поступил ответ правительства Трансвааля. Он был кратким и жестким: буры отозвали свое предложение о предоставлении избирательного права и снова подтвердили непризнание сюзеренитета. Переговоры зашли в тупик. Было непонятно, каким образом их можно продолжить. Учитывая вооружение бюргеров, небольшой гарнизон Наталя занял позиции на границе. Трансвааль потребовал объяснений по этому факту. Сэр Альфред Милнер ответил, что они охраняют британские интересы и готовятся на случай непредвиденных обстоятельств. Рев водопада зазвучал близко и мощно.

8 сентября состоялось заседание Кабинета министров – одно из самых важных за последние годы. В Преторию направили официальное послание, которое даже оппоненты правительства признали сдержанным и предоставляющим основу для мирного урегулирования. Оно начинается с категорического отказа удовлетворить требование Трансвааля о государственном суверенитете в том смысле, в каком его представляет Оранжевое Свободное Государство. Все предложения, поставленные в зависимость от этого условия, поддержаны быть не могут.

Британское правительство, однако, было готово согласиться на срок для получения избирательного права в пять лет, как говорилось в ноте от 19 августа, предполагая в то же время, что в совете каждый член сможет выступать на своем языке.

«Принятие Южно-Африканской Республикой этих условий немедленно снимет напряженность между двумя правительствами и, безусловно, сделает ненужным какое-либо вмешательство в будущем для устранения ограничения прав, поскольку уитлендеры будут иметь возможность самостоятельно привлекать к ним внимание в исполнительном совете и фольксрааде.

Правительство Ее Величества все больше заботит опасность дальнейшего промедления в снятии напряжения, которое уже нанесло большой ущерб интересам Южной Африки, и оно убедительно настаивает на незамедлительном и ясном ответе на настоящее предложение. Если оно будет принято, правительство готово немедленно начать мероприятия... чтобы оговорить все детали предполагаемого третейского суда. Если же ответ Южно-Африканской Республики будет отрицательным или неконструктивным (чего, мы искренне надеемся, не случится), я уполномочен заявить, что правительство Ее Величества оставляет за собой право пересмотреть ситуацию *de novo*³⁰ и сформулировать собственные предложения по окончательному урегулированию».

Таково было официальное послание, и Великобритания с напряженным вниманием ожидала ответа. Но снова последовала заминка, а в это время пошел дождь, подросла трава, и равнина стала подходящей для конного стрелка. Бюргеры были не склонны идти на уступки. Они знали, на что способны, и решили (совершенно справедливо), что на тот момент являются самой мощной военной державой в Южной Африке. «Мы справлялись с Англией и раньше, но это ничто по сравнению с тем, что мы покажем ей теперь», – восклицал известный гражданин, а он, по его собственному утверждению, говорил за всю страну. Таким образом, империя ждала и дискутировала, а звуки сигнальной трубы уже прорывались сквозь прения политиков,

³⁰ «Заново», «с самого начала» (лат.).

призывая народ снова пройти испытание войной и бедой, которыми провидение по-прежнему готовит нас к более благородной и высокой цели.

4

Канун войны

Нота, направленная Кабинетом министров 8 сентября, несомненно, являлась предвестником либо мира, либо войны. Туча должна была пролиться или пронестись мимо. Ожидая ответа, страна провела некоторое время в изучении и обсуждении военных приготовлений, которые могут понадобиться. Военное министерство несколько месяцев вело подготовку на случай непредвиденных обстоятельств и произвело определенные передислокации, которые оно считало достаточными, но, как покажет наш будущий опыт, оказавшиеся слишком незначительными для серьезного дела.

Занятно, просматривая подшивки газет уровня «Таймс», наблюдать, как сначала один или два небольших материала военного содержания появляются среди бесконечных столбцов сообщений, посвященных дипломатии и политике, как постепенно они все увеличиваются в объеме, пока наконец не происходит полный переворот – дипломатия сужается до крошечных заметок и война заполняет все пространство. Первое мерцание оружия в тусклой монотонности британских газет датируется седьмым июля. В этот день сообщалось об отправке двух рот инженерных войск и территориального корпуса с запасом провианта и боеприпасов. Две роты инженерных войск! Кто мог предвидеть, что они станут авангардом самой большой армии, когда-либо в мировой истории пересекавшей океан и какой еще не доводилось командовать британскому генералу.

15 августа, в тот момент, когда переговоры уже вошли в самую серьезную фазу после провала встречи в Блумфонтейне и отъезда сэра Альфреда Милнера, британские силы в Южной Африке абсолютно и нелепо не соответствовали потребностям защиты нашей собственной границы. Несомненно, этот факт должен открыть глаза тем, кто, несмотря на все доказательства, утверждает, что эта война спровоцирована британцами. Политик, желающий войны, обычно готовится к ней, и это именно то, что мистер Крюгер делал, а британские власти – нет. В это время господствующая сюзеренная держава имела на гигантской границе два кавалерийских полка, три батареи полевой артиллерии и шесть с половиной батальонов пехоты – примерно шесть тысяч солдат. А безобидные государства могли выставить сорок-пятьдесят тысяч конных стрелков, мобильность которых удваивала их силу, а также самую лучшую артиллерию, включая орудия такого крупного калибра, каких еще не видели на полях сражений. Совершенно очевидно, что буры тогда были в состоянии с легкостью пробиться и в Дурбан, и в Кейптаун. Британские войска, обреченные на оборонительные действия, могли сначала оказаться заблокированными, а затем были бы сломлены, и тогда основные силы буров встретились бы только с неорганизованной самообороной, нейтрализуемой индифферентностью или враждебностью голландских колонистов. Поразительно, что наши власти, похоже, никогда не рассматривали возможность того, что буры сделают первый шаг, или не понимали, что в этом случае нашему запоздалому подкреплению придется высаживаться под огнем республиканских пушек.

В июле Наталь встревожился, и премьер-министр колонии направил решительный протест губернатору сэру В. Х. Хатчинсону, а также Министерству по делам колоний. Было хорошо известно, что Трансвааль вооружен до зубов, Оранжевое Свободное Государство готово к нему присоединиться, и прилагаются усилия (как неафишируемые, так и публикуемые в прессе) поколебать лояльность голландских граждан в обеих британских колониях. Находящиеся в опасности люди замечали многочисленные дурные признаки. Поля подожгли необычно рано, чтобы после первых дождей трава быстрее начала расти, собрали лошадей, раздали винтовки и патроны. Фермеры Свободного Государства, которые зимой пасли скот на земле Наталь, отогнали стада в безопасные места за линией Дракенсберга. Все указывало на приближающуюся

войну, и Наталь отказывался удовлетвориться отправкой даже еще одного полка. 6 сентября в Министерстве по делам колоний получили второе обращение, в котором дело излагалось предельно четко и ясно.

«Премьер-министр желает, чтобы я по единодушному совету министров убедил вас в том, что в Наталь немедленно следует направить войска, достаточные для защиты от нападения Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства. Главнокомандующий Наталья поставил меня в известность, что, даже когда прибудет Манчестерский полк, сил хватит только для того, чтобы занять Ньюкасл и прикрыть южную границу колонии, тогда как Лаингс-Нек, Ингого-Ривер и Зулуленд останутся неохраняемыми. Моим министрам известно, что, как в Трансваале, так и в Оранжевом Свободном Государстве, предприняты все меры, чтобы обеспечить немедленное нападение на Наталь. Мои министры полагают, что буры пришли к мысли о неизбежности войны, и в этом случае для них лучшим вариантом является наступление до того, как к нам прибудет подкрепление. Получена информация, что вторжения будут производиться в направлении Мидл-Дрифта и Грейтауна, а также Бондс-Дрифта и Стангара с целью ударить по железной дороге Питермарицбург – Дурбан и перерезать линии коммуникации войск и снабжения. Практически все фермеры Оранжевого Свободного Государства, обычно остающиеся в натальском округе Клип-Ривер по меньшей мере до октября, ушли с большими для себя потерями: их овцы ягнятся по дороге и ягнята умирают или получают травмы. По крайней мере два фермера из округа Интоньянани перевезли все свое имущество в Трансвааль, стараясь захватить в заложники детей работавших на ферме негров. Из надежных источников получены донесения о попытках повлиять на лояльное коренное население и настроить одно племя против другого, чтобы вызвать беспорядки и отвлечь наши оборонительные силы. В Фолксрюсте, Фрейхейде и Стандертоне созданы крупные запасы продовольствия и товаров военного значения. Личности, которых считают шпионами, изучали мосты на Натальской железной дороге, и известно, что шпионы есть во всех важных центрах колонии. По мнению министров, такие катастрофы, как захват Лаингс-Нека, разрушение северного участка железной дороги, успешный рейд или вторжение (что, как они полагают, задумывается), произведут самый деморализующий эффект на коренное население и лояльных европейцев колонии. К тому же они сильно воодушевят буров и тех их сторонников в обеих колониях, которые, хотя вооружены и готовы к выступлению, возможно, будут вести себя тихо, если не получают толчка извне. Министры согласны с намерением правительства Ее Величества использовать мирные средства для облегчения положения уитлендеров и официального утверждения верховной власти Великобритании, прежде чем прибегнуть к войне, однако настаивают на мерах предосторожности».

В ответ на это и другие обращения войска в Натале постепенно усилили, частично за счет формирования из Европы, частично переброской пяти тысяч британских солдат из Индии. 2-й Беркширский, 1-й Королевский манчестерский фузилерский, 1-й Манчестерский и 2-й Дублинский фузилерский полки прибыли вместе с артиллерийским подкреплением. Из Индии перебросили 5-й драгунский гвардейский, 9-й уланский, 19-й гусарский, а также 1-й Девонширский, 1-й Глостерский, 2-й Гордонский хайлендский полки и 2-й полк Королевских стрелков. Эти полки совместно с 21-й, 42-й и 53-й батареями полевой артиллерии составляли Индийский контингент. Их прибытие в конце сентября увеличило численность войск в Южной Африке до 22 000 человек. Этим подразделений не хватало, чтобы отбросить многочисленного, мобильного и отважного противника, однако они оказались способны предотвратить ту катастрофу, которая, как мы теперь знаем, над нами нависала.

Что же касается расположения войск, то мнения властей Наталья и полевых командиров разошлись. Принц Крафт говорил, что «стратегии и тактике порой приходится уступать требованиям политики», однако политическая необходимость должна быть очень серьезной и всем до конца понятной, если за нее нужно платить кровью солдат. Несовершенство нашего рассудка или характерное для британцев предубеждение не позволяет обученному солдату

видеть в фермере, сидящем на коне, серьезного противника, несмотря на имеющийся печальный опыт. Даже когда наши газеты писали о том, что, по крайней мере на этот раз, мы не станем недооценивать своего врага, мы все равно самым серьезным образом ошиблись в отношении буров. Северная треть Наталя – позиция с военной точки зрения такая уязвимая, какую мечтал бы получить любой игрок в *kriegspiel*.³¹ Она сходится в острый угол, завершающийся на вершине сложным перевалом, зловещим Лаингс-Неком, над которым господствует еще более мрачная Маджуба. Обе стороны угла открыты для вторжения, одна из Трансвааля, другая из Оранжевого Свободного Государства. Армия, стоящая в вершине угла, оказывается в настоящей ловушке, потому что подвижный противник может нахлынуть в страну немного южнее, перерезать путь снабжения и создать цепь полевых укреплений, которые превратят отступление в чрезвычайно сложное дело. И далее, в таких местах, как Ледисмит или Данди, опасность, хотя и не так остро, тоже присутствовала, если оборонительные порядки не будут достаточно сильны, чтобы отстоять себя в бою, и недостаточно мобильны, чтобы не позволить конному врагу обойти себя с флангов. Нам (сегодня наделенным той солидной военной мудростью, которую дает только знание того, что уже случилось) очевидно, что для армии, которая не могла выставить на линию фронта больше 12 000 человек, по-настоящему выгодным для обороны рубежом была линия Тугелы. В действительности же был избран Ледисмит, место, практически непригодное для обороны, так как над ним, по меньшей мере в двух направлениях, возвышаются холмы.

Такой поворот событий, как осада города, по-видимому, не рассматривался, поскольку артиллерийских орудий не запрашивали и, соответственно, не присылали. Однако на небольшой железнодорожной станции Ледисмита сгрузили запасы, которые, говорят, оценивались в сумму более миллиона фунтов стерлингов, таким образом, позицию нельзя было эвакуировать без значительного ущерба. Маленький городок являлся пунктом, в котором основная железнодорожная линия раздваивалась, в одну сторону она шла на Харрисмит в Оранжевом Свободном Государстве, в другую – на тоннель Лаингс-Нека и Трансвааль через угольные месторождения Данди и Ньюкасл. Правительство Наталя придавало особое (как теперь ясно, преувеличенное) значение обладанию угольным бассейном, и именно по их решительному настоянию (но с согласия генерала Пенна Саймонса) силы обороны разделили, и отряд численностью три-четыре тысячи отправили в Данди, примерно за сорок миль от основных сил, которые остались в Ледисмите под командованием генерала сэра Джоржа Уайта. Генерал Саймонс недооценил силы противника, однако трудно осуждать ошибку в расчетах, которую так храбро искупили и за которую так трагически заплатили. В тот же момент, до которого дошло наше политическое повествование, во время неопределенности, наступившей после отправки ноты Кабинета министров от 8 сентября, военная ситуация перестала быть бесперспективной, однако все еще оставалась ненадежной. На месте находилось двадцать две тысячи регулярных войск, которые, вероятно, надеялись на усиление примерно десятью тысячами колонистов, однако эта армия должна была прикрыть огромную границу. Отношение жителей Капской колонии отнюдь не являлось благодушным и могло стать враждебным, а от черного населения с большой степенью вероятности можно было ожидать выступления против нас. На защиту Наталя имелась возможность выделить только половину регулярных войск, а подкрепление нельзя было доставить раньше, чем через месяц после начала боевых действий. Если мистер Чемберлен действительно блефовал, следует признать, что он делал это с очень плохими картами.

Для сравнения можно дать некоторое представление о силах, находившихся в распоряжении мистера Крюгера и мистера Стейна. К этому моменту стало ясно, что Оранжевое Свобод-

³¹ «Игра в войну» (*нем.*) – разновидность шахмат. В Кригшпиле каждый игрок видит только свои фигуры. Поэтому в игре нужен судья. Он владеет всей информацией о ходе игры, сообщает о легальности ходов, взятых фигурах и т. д.

ное Государство, с которым у нас не было и тени разногласий, собирается выступить против нас (одни скажут – беспричинно, а другие – по-рыцарски). В прессе состав вооруженных сил двух республик варьировался от 25 000 до 35 000 человек. Мистер Дж. Б. Робинсон, личный друг президента Крюгера и человек, большую часть своей жизни проживший среди буров, посчитал последнюю цифру завышенной. Для оценки не имелось надежной базовой точки отсчета. Очень сложно учесть сильно разбросанное и обособленное население, у которого правилом являются большие семьи. Одни вычисляли, исходя из предполагаемого естественного прироста за восемнадцать лет, но данные, зафиксированные тогда, сами по себе были предположением. Другие брали за основу количество избирателей на последних президентских выборах, но никто не мог сказать, сколько людей не приняло участия в голосовании, к тому же в этих республиках берут в руки оружие на пять лет раньше, чем участвуют в выборах. Теперь мы знаем, что все оценки были много ниже фактической численности бурской армии. Однако сведения британской разведывательной службы, судя по всему, были не так уж далеки от истины. Согласно их данным, боевая численность только Трансвааля составляла 32 000 человек, Оранжевого Свободного Государства – 22 000. Вместе с наемниками и повстанцами из колоний она составит 60 000, а существенное восстание голландцев Капской колонии увеличит общую численность до 100 000. Относительно артиллерии было известно, что в их распоряжении около ста орудий, многие из которых (и этот факт требует серьезных объяснений) были более современными и мощными, чем те, что смогли выставить мы. О качестве этого большого войска нет необходимости говорить. Солдаты были мужественными, выносливыми и сражались с необыкновенным религиозным иступлением. Все в них принадлежало к семнадцатому столетию, кроме винтовок. Верхом на своих низкорослых лошадях, они обладали мобильностью, которая практически удваивала их возможности и никогда не позволяла зайти к ним во фланг. Как стрелкам им просто не было равных. Добавьте к этому, что у них было преимущество действовать в привычных условиях при более коротких и безопасных коммуникациях, и вы поймете, насколько трудноразрешимая задача стояла перед солдатами империи. Переходя от перечисления сил буров к рассмотрению ожидавших их в Натале и разделенных на две части 12 000 человек, следует признать, что вместо оплакивания наших несчастий, нам скорее следует поздравить себя с тем, что мы избежали потери этой огромной провинции, которая, будучи расположенной между Британией, Индией и Австралией, является замковым камнем имперской арки.

Рискуя сделать утомительное, хотя и совершенно необходимое отступление от темы, нужно сказать несколько слов о тех мотивах, по которым буры много лет втайне готовились к войне. То, что не рейд Джеймсона являлся причиной тому, очевидно, хотя он, вероятно, заметно ускорил дело, поставив бурское правительство в сильную позицию. То, что прежде делалось скрытно и медленно, стало можно делать быстро и открыто, когда для подобных действий появилось столь благовидное оправдание. На самом деле подготовка производилась задолго до рейда. Примерно за два года до того несчастного нападения началось строительство крепостей в Претории и Йоханнесбурге и активные закупки оружия. В тот самый год, 1895-й, на вооружение была истрачена весьма значительная сумма.

Итак, если причиной вооружения был не рейд и буры не имели оснований бояться британского правительства, с которым Трансвааль мог поддерживать такие же дружественные отношения, какие в течение сорока лет поддерживало Оранжевое Свободное Государство, то зачем они вооружались? Это сложный вопрос, отвечая на который мы оказываемся в области скорее догадок и подозрений, чем установленных фактов. Однако честнейший и самый объективный из историков должен признать существование огромного количества доказательств того, что некоторые голландские лидеры, как в северных республиках, так и в Капской колонии, вынашивали план создания единого голландского государства от Кейптауна до Замбези, в котором флаг, язык и законодательство будут голландскими. Именно в таком стремлении многие

проницательные и хорошо информированные эксперты усматривают истинный смысл упорного вооружения, неизменной враждебности, установления связей между двумя республиками (одну из которых мы собственными руками восстановили и сделали суверенным, независимым государством) и, наконец, тех козней, которыми пытались подорвать симпатию и верность наших собственных голландских колонистов, никогда не испытывавших никаких политических притеснений. Все это было направлено на достижение одной цели – окончательное изгнание британской державы из Южной Африки и создание одной великой голландской республики. Огромные деньги, израсходованные Трансваалем на разведывательную службу (большая сумма, полагаю, чем истратила на эти цели вся Британская империя), дают некоторое представление об активности секретной деятельности. Нет сомнений, что в британских колониях была развернута целая армия эмиссаров, агентов и шпионов с самыми разными миссиями. Газеты тоже субсидировались, и значительные суммы тратились на прессу во Франции и Германии.

Естественно, наличие большой тайной организации, имеющей целью заменить британское правление в Южной Африке на голландское, нелегко неопровержимо доказать. Такие вопросы не обсуждаются в официальных документах, и людей проверяют, прежде чем заговорщики им доверятся. Однако существует масса свидетельств о личных желаниях подобного рода известных влиятельных людей. Трудно поверить, что то, чего многие желали лично, не было предметом общих усилий, особенно когда мы видим, что события развивались именно в том направлении, на которое они указывали. Мистер Дж. П. Фицпатрик в книге «Трансвааль изнутри» (произведении, за которое все последующие авторы, пишущие на эту тему, должны испытывать к нему чувство признательности) рассказывает, как в 1896 году к нему подошел мистер Д. П. Граафф, в прошлом член Совета по вопросам законодательства Капской колонии и весьма заметный деятель Союза африканеров, и заявил, что Великобританию следует изгнать из Южной Африки. Тот же политик предлагал то же самое и мистеру Бейту. Сравните с этим следующее утверждение брата премьер-министра Капской колонии мистера Теодора Шрейнера: «Я встретил мистера Рейца, в то время судью Оранжевого Свободного Государства, в Блумфонтейне семнадцать-восемнадцать лет назад, вскоре после ретроцессии Трансвааля, когда он занимался созданием Союза африканеров. Тогда требовалось быть терпеливым со всеми, поскольку Англия и ее правительство не имели намерения лишать Трансвааль независимости (поскольку совсем недавно ее “великодушно” даровали), не имели намерения воевать с республиками (поскольку совсем недавно установили мир), не имели намерения захватывать золотые копи Ранда (поскольку они еще не были открыты). Вот тогда я встретил мистера Рейца, и он старательно убеждал меня стать членом его Союза африканеров. Однако после изучения устава и программы Союза я отказался вступать в организацию. Между нами состоялся следующий разговор по существу, навсегда запечатлевшийся в моей памяти:

Рейц. Почему вы отказываетесь? Разве привлечение интереса людей к политическим делам не является достойной целью?

Я. Является. Однако мне кажется, что между строк этого устава явно просматривается направленность на совсем другую цель.

Рейц. Какую?

Я. Я совершенно ясно вижу, что конечная цель – свержение британской власти и изгнание британского флага из Южной Африки.

Рейц. (С легкой понимающей улыбкой человека, чью тайную мысль и цель раскрыли, но это его совсем не расстроило.) А что, если и так?

Я. Вы ведь не думаете, что этот флаг исчезнет из Южной Африки без упорной борьбы и сражения?

Рейц. (С той же легкой, застенчивой, самодовольной и тем не менее полуизвиняющейся улыбкой.) Не думаю. Но даже если так, что с того?

Я. Только то, что, когда эта борьба начнется, мы с вами окажемся по разные стороны баррикад. И еще, во время последней войны Господь был с Трансваалем, потому что правота была на его стороне. В этом же случае Он будет с Англией, потому что вряд ли одобрит заговор, чтобы свергнуть ее власть и изменить положение в Южной Африке, которые Он освятил.

Рейц. Посмотрим.

Так закончился наш разговор. В течение прошедших семнадцати лет я видел непрерывную пропаганду свержения британской власти в Южной Африке всеми возможными способами (в прессе, с кафедры, с трибуны, в школах, колледжах, законодательных органах), пока она не привела к войне, которой мистер Рейц и его соратники являются источником и причиной. Поверьте мне, день, когда Ф. В. Рейц сел писать ультиматум Великобритании, был в его жизни моментом гордости и счастья, которого он долгие годы ждал со страстью и предвкушением».

Сравните эти высказывания голландских политиков из Капской колонии и Оранжевого Свободного Государства со следующим фрагментом речи, произнесенной Крюгером в Блумфонтейне еще в 1887 году:

«Полагаю, сейчас слишком рано говорить об объединении Южной Африки под одним флагом. Каким должен быть этот флаг? Королева Англии возражала бы против спуска ее флага, а мы, бюргеры Трансвааля, возражаем против спуска нашего. Что же делать? Мы еще малы и не имеем прочного положения, но мы растем и завоевываем свое место среди великих держав мира».

«Мечта нашей жизни, – говорил другой, – объединение государств Южной Африки, и это должно произойти изнутри, а не снаружи. Когда дело будет закончено, Южная Африка станет великой».

Во всех голландских головах постоянно вынашивалась одна и та же мысль. За ней следовали многочисленные признаки того, что намерение готовится воплотить в жизнь. Повторяю, честнейший и самый объективный из историков не может отменить существование тайной организации как миф.

На это можно возразить, что буры имели право на любые организации. Почему они не должны иметь собственных взглядов на будущее Южной Африки? Почему бы им не стремиться иметь общий флаг и один общий язык? Почему им не следовало, если они могли, склонить на свою сторону наших колонистов и сбросить нас в море? Я не вижу таких причин. Пусть попробуют, если хотят. А мы попробуем не позволить им этого. Но давайте положим конец разговорам о британской агрессии, о замыслах капиталистов относительно месторождений золота, об ошибках простых людей, которыми прикрывается суть дела. Пусть те, кто говорит об умыслах Британии против бурских республик, на минуту обратят внимание на свидетельства замыслов этих республик против британских колоний. Пусть они поразмышляют о том, что при одной системе все белые люди имеют равные права, а при другой – меньшинство выходцев из одного народа подвергает гонениям большинство людей другого происхождения. Только тогда пусть они решат, при какой системе обеспечивается истинная свобода, кто стоит за свободу для всех, а кто за реакционность и национальную вражду. Пусть они сначала подумают и ответят на все эти вопросы, прежде чем решать, кому отдать предпочтение.

Теперь оставим широкие вопросы политики и отвлечемся на время от военных суждений, которым вскоре было предназначено приобрести жизненно важное значение. Вернемся к развитию событий в дипломатической борьбе между правительством Трансвааля и Министерством по делам колоний. Как уже говорилось, 8 сентября в Преторию было направлено последнее официальное обращение с минимальными условиями, которые британское правительство могло принять как достаточное облегчение положения своих подданных в Трансваале. Был затребован четкий ответ, и народ ожидал его с мрачным терпением.

Страна не питала иллюзий относительно трудностей войны с Трансваалем. Было совершенно ясно, что нас ждет мало чести и много проблем. Еще терзала души Первая бурская война, и мы помнили об отваге неукротимых бюргеров. Однако наши люди, при всей мрачности их настроения, тем не менее чувствовали решимость, потому что национальный инстинкт, который выше мудрости политиков, позволил им понять, что это не локальный конфликт, а проблема, от решения которой зависит само существование империи. Предстояла проверка ее сплоченности. В мирное время люди произносили за империю тосты. Было ли это бессмысленной тратой вина, или они чувствовали готовность пролить за нее свою кровь во время войны? Неужели мы действительно создали ряд отдельных стран без общих чувств и интересов или империя – органическое целое, способное испытывать единый порыв и объединяться в решительный момент как несколько государств содружества? Такой стоял вопрос, и от ответа на него в значительной степени зависело будущее всего мира.

В колониях стали проявляться признаки понимания, что происходящее противостояние не является делом исключительно метрополии, что она отстаивает права империи в целом и справедливо может рассчитывать на их поддержку при любом повороте событий. Уже 11 июля Квинсленд, огненный и субтропический, предложил контингент конной пехоты с пулеметами. За Квинслендом последовали Новая Зеландия, Западная Австралия, Тасмания, Виктория, Новый Южный Уэльс и Южная Австралия. Канада, с твердым, но более неторопливым характером севера, последней сказала свое слово, однако оно было еще определеннее, потому его хорошо обдумали. Граждан Канады это дело касалось меньше других, поскольку австралийцев в Южной Африке было много, а канадцев – совсем мало. Тем не менее Канада с готовностью приняла на себя часть общего бремени, и готовность ее только возрастала с увеличением тяжести этого бремени. Помощь предложили составляющие Британскую империю люди с самым разным цветом кожи – индийские раджи, западноафриканские вожди, малайская полиция. Однако эта война должна была быть войной белых людей, и если британцы не в состоянии спасти себя сами, то такому народу действительно не следует иметь империи. По той же причине не стали привлекать и великолепную индийскую армию в 150 000 солдат, многие из которых – испытанные ветераны. Англия не требовала похвал и почета за такое самоограничение. Однако безответственный писатель прекрасно может себе позволить задать такой вопрос: многие ли из тех зарубежных критиков, чье уважение к нравственности нашего государства столь же ограничено, как и их знание наших принципов и истории, поддержали бы такое самоотречение, окажись их собственные страны в таком же положении?

18 сентября в Лондоне был опубликован официальный ответ бурского правительства на послание Кабинета министров. Буры остались верны себе. В сущности, они отвергли все британские требования. Они отказались рекомендовать или предлагать совету пятилетний срок проживания, считавшийся минимумом, и другие шаги, которые британское правительство могло принять в качестве достаточной меры справедливости в отношении уитлендеров. Предложение проводить дебаты совета на двух языках, как это делается в Капской колонии и Канаде, было категорически отклонено. В том своем последнем послании британское правительство отметило, что в случае отрицательного или неконструктивного ответа оно оставляет за собой право «пересмотреть ситуацию *de novo* и сформулировать собственные предложения по окончательному урегулированию». Полученный ответ был как отрицательным, так и неконструктивным. 22 сентября Кабинет собрался, чтобы определить, каким должно быть следующее обращение. Оно стало кратким и жестким, однако было сформулировано таким образом, чтобы не закрывать дверь перед мирным соглашением. В нем говорилось, что британское правительство глубоко сожалеет по поводу отклонения предложений, содержащихся в последнем послании, и что теперь, в соответствии со своим обещанием, оно разработает собственные средства для урегулирования. Обращение не являлось ультиматумом, но предвещало ультиматум в будущем.

Тем временем 21 сентября собрался совет Оранжевого Свободного Государства. Уже не вызывало сомнений, что эта республика, с которой у нас не было никаких трений, с которой, напротив, мы имели весьма дружественные отношения, намеревается выставить свои силы против Великобритании. Несколько раньше Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль заключили военный союз, который, насколько можно судить (пока засекреченная история этих событий не станет достоянием общественности), был исключительно необдуманным и невыгодным соглашением для меньшей республики. Ей нечего было бояться Великобритании, поскольку именно Великобритания по своей воле сделала ее независимой республикой, и они мирно сосуществовали в течение сорока лет. Законы Оранжевого Свободного Государства были столь же либеральными, как и наши собственные. А по этому самоубийственному договору республика согласилась разделить судьбу государства, которое сознательно провоцировало войну своим постоянно враждебным отношением и чье реакционное недемократичное законодательство, как можно себе представить, должно было отвращать прогрессивного соседа. Может, существовали амбиции, подобные процитированным из разговора с доктором Рейцем, или они обольщались по поводу соотношения сил противников и возможного будущего Южной Африки. Однако, каковы бы ни были причины, договор заключили, и подошло время проверить, как он будет соблюдаться.

Тон президента Стейна на заседании совета и полученная им от большинства бюргеров поддержка однозначно говорили о том, что две республики будут действовать как единое целое. В своем вступительном слове Стейн решительно высказался против британской позиции и заявил, что его государство связано с Трансваалем всем, что близко и дорого. Среди необходимых мер предосторожности, которыми британское правительство больше не могло пренебрегать, была отправка небольшого отряда для защиты длинной и уязвимой железной дороги из Кимберли в Родезию, проходившей в непосредственной близости от границы с Трансваалем. Сэр Альфред Милнер связался с президентом Стейном по поводу переброски войск, указав, что эта мера ни в коем случае не направлена против Оранжевого Свободного Государства. Сэр Альфред Милнер добавил, что имперское правительство все еще надеется на мирное урегулирование проблемы с Трансваалем, однако, если эта надежда не оправдается, оно рассчитывает на то, что Оранжевое Свободное Государство сохранит нейтралитет и предотвратит вооруженное вмешательство со стороны своих граждан. Правительство гарантирует, что в этом случае неприкосновенность границ Оранжевого Свободного Государства будет соблюдаться самым строжайшим образом. В заключение он отметил, что не существует каких-либо причин нарушать дружественные отношения между Свободным Государством и Великобританией, поскольку наши намерения в отношении них самые мирные. Президент Оранжевого Свободного Государства несколько грубо ответил, что не одобряет наших действий по отношению к Трансваалю и сожалеет о переброске войск, которую бюргеры сочтут угрозой для себя. Последовавшая резолюция совета Свободного Государства заканчивалась словами: «Что бы ни случилось, Свободное Государство честно и полностью выполнит свои обязательства перед Трансваалем в соответствии с существующим между двумя республиками политическим союзом». Резолюция показала, что было невозможно не допустить втягивания в водоворот этой страны, созданной нашими руками и не имеющей никакого основания ссориться с нами. Отовсюду, со всего протяжения обеих границ, поступали известия о военных приготовлениях. Уже в конце сентября войска и вооруженные бюргеры начали сосредотачиваться на границе, и самые упорные скептики стали наконец понимать, что тень большой войны их действительно накрывает. В Фолкрясте, на границе Наталя, накапливали артиллерию, военное имущество и снаряжение, показывая, где можно ожидать начала бури. В последний день сентября доложили, что из Претории и Йоханнесбурга в этот пункт вышло двадцать шесть военных обозов. Одновременно приходили сообщения о сосредоточении сил в Малмани, на гра-

нице Бечуаналенда, что угрожало железнодорожной линии и британскому городу Мафекингу – название, которому в скором времени суждено было стать известным всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.